

18+ МИХАИЛ БАЙКОВ

Скульптор жизни

— Том I-II —

Михаил Байков

Скульптор жизни. Том I — II

<https://litres.ru/59971686>

ISBN 9785005149152

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Он должен был тихо проиграть выборы — технический кандидат, спойлер, отработанный материал. Но прокурор Божесов нарушил договоренности и выиграл. Пуля снайпера стала справедливой расплатой за дерзость. Двадцать лет спустя Божесов возвращается. Живой. Тот, чье имя стало легендой, появляется в предвыборном штабе собственной бывшей жены. Никто не знает, где он был все эти годы. Никто не понимает, зачем он вернулся.

Содержание

Том I	5
Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	8
Глава III	12
Глава IV	15
Глава V	24
Глава VI	30
Глава VII	38
Глава VIII	43
Глава IX	46
Глава X	49
Часть вторая	56
Глава I	56
Глава II	63
Глава III	69
Глава IV	78
Глава V	89
Глава VI	94
Глава VII	101
Глава VIII	108
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Скульптор жизни

Том I — II

Михаил Байков

© Михаил Байков, 2026

ISBN 978-5-0051-4915-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга посвящается людям, общение
с которыми останется в моей памяти навсегда:
Марии Березовской и Марине Соловьевой

Том I

Часть первая Извилины

Глава I

Прозвенел третий звонок. Зрители заняли места согласно купленным билетам. Свет потух. Аплодисменты начали набирать силу. С фальшивой улыбкой на сцену выплыла ведущая в вечернем платье, которое удивительно сочеталось с занавесом. Ее появление озадачило зрителей, ждавших спектакль, но аплодисменты не прекратились и стихли лишь после полного погружения зала во мрак. Зеленый свет прожектора выделил ведущую нимбом.

— Добрый вечер, дорогие друзья, любители театрального искусства, — со сладкой улыбкой начала она. — Сегодня, в этот прекрасный вечер, коллектив Лимского областного театра драмы закрывает сезон 2017—2018 года бессмертным произведением Николая Васильевича Гоголя «Ревизор». Но перед этим...

Вместе с началом зажигательной речи в левой стороне за-

навеса пробежала полоска света, и некоторые скупающие, а потому наблюдательные зрители увидели, как в 14 ложу бельэтажа вошел областной прокурор, советник юстиции, Михаил Александрович Божесов с молодой девушкой. Его спутница никого не удивила — люди, разбирающиеся в жизни областных «слуг народа и закона», знали, что молодой и харизматичный Михаил Александрович питал взаимную слабость к женщинам.

Молодые люди заняли свои места. Божесов продолжил говорить:

— У нас в деревне весело — даже хорошенький театр имеется!

— Мы не опоздали?

— Нисколько, только официальная часть...

— ...Но перед началом спектакля пройдет короткая церемония награждения — громче остальной речи произнесла ведущая. — Слово предоставляется губернатору Лимской области — Игорю Сергеевичу Наклеватько.

— Я же говорил, — посмотрел на спутницу Михаил Александрович. — Губер выступает... Мужик хороший. Мы с ним учились в одной школе... Он закончил на три года раньше меня. И теперь жизнь нас свела в родном городе, обреченных на лучшую работу в мире! Правда Игорь сильно поменялся... причем как внешне, так и внутренне.

— Власть людей меняет... — произнесла девушка так, будто сказала нечто умное, и игриво погладила руку Миха-

ила Александровича.

— Напряженная работа... — задумчиво фыркнул прокурор. — Требуется много здоровья и самообладания... Посмотри на соседние ложи — напротив нас сидит председатель областного суда с супругой, в 12 ложе сидят начальник управления полиции области Петр Дмитриевич и руководитель регионального управления Службы безопасности Лев Антонович.

— А по левой стороне? — с большей заинтересованностью спросила спутница.

— Это гражданские чиновники, достойные, пожалуй, не меньшего уважения.

— И все они любят театр?

— Как сказать, — пожал плечами прокурор с улыбкой. — Если даже руководитель департамента культуры у нас думает скорее о расходах, нежели о творческих условиях. И с такими губернатор работает! За каждым их шагом надо смотреть, а то сломают все... А в театре они, потому что через две недели выборы в облдуму!

Девушка кокетливо улыбнулась, оголив ровные белые зубы.

— А кто рядом с губернатором? — спросила она, указывая на грациозную девушку в черном платье, которую Игорь Сергеевич провел в директорскую ложу.

— Не знаю. Раньше ее не видел, — ответил Божесов.

— Жена?

— Боже упаси, о такой жене стоило бы узнать все подробности!

— Так кто же это?

— Представления не имею! Спрошу завтра...

Тут зал наполнился облегченными аплодисментами. Ведущая покинула сцену. Занавес распахнулся.

Глава II

Надо сказать, девушка привлекла внимание многих, слушающих скучные речи в театре, да что уж говорить, некоторые смотрели на нее и во время спектакля. Сам прокурор решил забыть о планах на свою спутницу и уехал домой один, гонимый странными мыслями...

Незнакомка появилась в городе совершенно недавно, обустроившись в лучшей гостинице, откуда и должна была заниматься порученной ей работой. Звали ее Мари Берне. Она вышла из своего номера в десять часов утра, предварительно заказав такси на целый день, и уже мчалась в центр города, когда ее машину совершенно неожиданно остановил сотрудник ДПС в сопровождении человека в штатском.

— Предъявите документы, — грубо потребовал инспектор.

— Пожалуйста, — неловко улыбаясь и предвкушая что-то страшное, ответил водитель и протянул книжечку с документами.

— Лицензия есть?

— Пожалуйста, — повторил прежние действия водитель.

— Та-а-а-ак, — протянул инспектор, невнимательно пробежав глазами по документам. — Что с аптечкой?

— В багажнике...

— Откройте.

— Извините, что я прерываю вашу милую беседу! — вмешалась Мари. — Вижу, вы друг в друге заинтересованы, но какое отношение к этому имею я?

— Девушка, думаю, мы здесь надолго... Если вы торопитесь, мы сейчас поймаем вам любую машину!

— Буду признательна.

Через минуту к месту остановки Лады-Калины с табличкой «ТАХИ», подъехал черный BMW.

— Добрый день, старший лейтенант ДПС Василий Карпов, — учтиво, не так, как таксисту, представился инспектор водителю BMW с тщетно скрываемой веселостью. — Можно попросить Вас довезти эту девушку до центра?

— Конечно, товарищ старший лейтенант, — прозвучал мягкий ответ водителя, который сейчас же вышел из машины и галантно помог Мари сесть в автомобиль.

Через минуту BMW мчался как можно дальше от поста ДПС.

— Давайте знакомиться? — с улыбкой предложил водитель.

— Вам это надо? — холодно ответила Мари.

— Думаю, мы с вами еще встретимся, — не обратив никакого внимания на тон Мари, ответил водитель. — Так лучше познакомиться раньше.

— Знакомьтесь, если хотите...

— Ну, раз вы настаиваете, — ухмыльнулся водитель. — Михаил Александрович Божесов, прокурор области, советник юстиции.

— Мари Берне, — холоднокровно ответила она.

— Странное имя для провинции... Речь чистая, лицо красивое, а, значит, славянское. Псевдоним?

— Разумеется.

— И настоящего не скажите?

— Никогда.

— Ваше право, — просто ответил прокурор.

Недолго ехали молча, пока не встали в традиционную для города, утреннюю пробку.

— И что вы забыли в нашей глубинке? — спокойно продолжил спрашивать Божесов.

— Я вроде бы не на допросе, — хитро прищурившись, ответила Мари, но в ее словах чувствовалась игра.

— По-моему мы можем спокойно поговорить, пока стоим в пробке. Но все-таки не советую шутить с возможностями моей профессии!

— Мне кажется, что и здесь мы встретились не случайно?

— Когда кажется креститься надо.

— Но я этого не делаю, — окончательно принимая условия флирта ответила Мари.

— И правильно, — многозначительно наклонив голову, сказал Михаил Александрович, и они посмотрели друг другу в глаза, в которых пробежал огонек. Минут пять посидели в тишине.

— Неужели вы не можете воспользоваться мигалкой? — спросила Мари.

— Зачем? Мне кажется, мы можем воспользоваться пробкой и поговорить о городе.

— То есть, вы можете ехать, когда пожелаете?

— Сейчас я хочу поговорить с вами, — настойчиво ответил Божесов.

— Ладно... Тогда говорите что-нибудь о Лимске, чем он примечателен?

— Такой же, как все: машины ездят, мы работаем, дети учатся, люди — живут, выживают, едят и спят.

— А вы, как я вижу, больше живете, чем выживаете?

— Ваша наблюдательность поразительна, Мари.

— И вы обыкновенный прокурор?

— Ну, все-таки я областной прокурор, назначенный законно избранным президентом... Центр правоохранительной системы области. Фактически, именно я творю правосудие и поддерживаю порядок здесь.

— Прямо всемогущий Воланд!

— Вы мне льстите, сравнивая с булгаковским героем! —

Божесов хотел показать свою литературную грамотность. — Просто я ловко балансирую в этой неустойчивой среде. К тому же, имею массу нужных знакомств...

— Не старайтесь быть загадочным, вы слишком прямолинейны.

— Кто-то считает меня довольно милым, — Божесов хлопал ресницами.

— Не понимаю этих людей.

— Я могу начать обижаться, — встрепенулся Михаил Александрович.

Мари проигнорировала эти слова, играя с очевидными человеческими слабостями прокурора. Чтобы раздражить его еще больше, Мари решила вообще ничего не говорить до конца поездки. Это принесло самый неожиданный эффект...

Глава III

Михаил и Мари расстались в центре города. Прокурор поехал в здание областной администрации, а Мари скрылась в неизвестном направлении. Припарковав машину, Михаил Александрович поднялся в кабинет губернатора.

— Людмила, доброе утро, — поздоровался прокурор с секретарем главы области.

— Доброе, Михаил Александрович.

— Свободен? — спросил он, указывая на дверь кабинета.

Людмила утвердительно кивнула. Прокурор вошел в кабинет без стука, тяжело распахнув дверь.

— Здравствуйте, Игорь Сергеевич, — голосом одного русского режиссера, чья фамилия созвучна с именем прокурора, протянул Божесов. — Доброе утро!

— Скоро уже обедать, а ты только у меня появился... В прокуратуре вечером будешь? — не отрываясь от каких-то бумаг проворчал губернатор.

— Да вы, батенька, не в настроении?

— А сам подумай, какое у меня может быть настроение, когда к нам, из Москвы, да еще и перед выборами, якобы случайно, «заехал» полпред!

— Покормить его не забудь, — засмеялся Божесов, падая на диван. — Что показывать повезешь?

— Сначала разберемся с нацпроектами — с демографией аврал... А потом повезу школу новую показывать.

— Так ей уж полгода? Сколько на нее молиться будем? И так каждому федералу показываешь.

— Сколько надо столько и будем, — огрызнулся Игорь Сергеевич. Видимо, он был голодным. — А еще коллеги бывшие из минсвязи «подарили» визит представительницы «BoffCorporation», и с ней я должен возиться ради семимиллиардных инвестиций! Просто разрываюсь!

— А-а-а, — с улыбкой протянул прокурор, — Мари Берне.

— Ты откуда ее знаешь? — удивился губернатор.

— Случайно познакомились. Сейчас до центра подвозил.

— Слушай, Миша, у меня прекрасная идея!

— Ну хоть когда-то эту чудную голову посетила светлая мысль, — наиграно произнес Михаил Александрович.

— Ну, не язви, что за мода?

— Да ладно... не злись... Какая идея?

— Миш, можешь экскурсию провести для Мари? Чтобы область в выгодном свете показать корпорации?

Божесов смотрел на губернатора, и в его глазах читалась огромная веселость. Он встал и шутливо потянул:

— Ну, сделаем вид, что это не нарушает никакие нормы закона, в конце-то концов, наша дружба и так конфликт интересов в некотором смысле...

— Миш, давай без прелюдий. Согласен помочь?

— Да, с удовольствием, конечно! Мари достойна того, чтобы...

Вдохновляющие слова прокурора прервал неожиданный телефонный звонок.

— Пардон, ваше высокоблагородие, по основной работе, — встав с дивана, сказал Божесов. — Алло... И вам не хворать... Какое? Убийство? Так... Передайте Загороднему... Мне это не интересно... Сiao...

— Какое убийство? — обеспокоено спросил губернатор.

— Да бытовуха, в Дмитриевском районе, — отмахнулся Божесов. — Бритвой по горлу и в колодец.

— А тебе-то что звонят с такой мелочью?

— Прошу я. Хочу в курсе всего быть. Особенно перед выборами в облдуму.

— Вот это другое дело! — лицо губернатора впервые озарилось подобием радости.

— Ну уж, Игорь, работать я умею, — гордо произнес Божесов, расправляя плечи. — Но и шутки люблю, особенно на пресс-конференциях...

— Вспомнишь тоже, — сморщился Игорь Сергеевич. — Короче! С убийствами и прочим разбирайся, чтоб без резонансных дел...

— Да понял, понял. Тогда сейчас и поеду, а ты иди, полпреда корми, — с этими словами прокурор выбежал из кабинета.

— Не забудь о Мари! — крикнул вслед губернатор.

Глава IV

Михаил Александрович быстро доехал до Дмитриевского района. Подъезжая к деревянному одноэтажному дому на улице Смирной, прокурор заметил небольшую группу людей, очевидно ближайших соседей, две ведомственные машины и фورد капитана Следственного комитета Загороднего. Машина областного прокурора была легко опознана полицейскими, стоящими в оцеплении, тем более что такие в области были только у губернатора и архиерея. Божесов вышел из машины навстречу ожидающему капитана.

— Добрый день, — протянул прокурору руку следователь.

— Для кого как...

Два блюстителя закона направились во двор дома.

— И что случилось? — равнодушным тоном спросил Божесов.

— Девушке по горлу полоснули каким—то странным ножом. Часа полтора назад.

— И чего странного?

— Он был кривой...

— И?

— Ну, он коллекционный. Не у всех есть такой. В доме точно не могло быть.

— Это что—то значит? — сморщился Михаил Александрович.

— Да нет, — неуверенно протянул следователь.

— Пойдемте посмотрим на место.

Следователь и прокурор пошли в сторону ветхого сарайчика, где орудовал судебный эксперт. Зрелище было не самым приятным. На соломе, в углу на спине лежала девушка с залитой кровью грудью и лицом.

— Сколько лет?

— Василиса Владимировна Комаринова, 19 лет, студентка нашего журфака, — не отрываясь от каких—то действий, отчеканил все эксперт.

— Как убита? — повторил Божесов вопрос.

— Вот этим ножом, — сказал эксперт, показывая кривой

нож с резной рукояткой. — Любопытно, что нож метнули. И аккуратно попали.

— Так ведь не каждый может? — поинтересовался следователь.

— Разумеется! С таким эффектом это мог сделать только специально обученный человек: военный, спортсмен, самурай...

— Запомнил? — спросил прокурор у следователя.

Тот кивнул.

— Пойдем поговорим, — душно позвал Божесов следователя. —

Мне губернатор сегодня сказал, чтобы все дела раскрывались быстро и общественность не беспокоилась. Сам понимаешь... Я знаю, ты человек честный, сколько возможно, и поэтому разрешу тебе продолжить расследование, но потенциального подозреваемого найди к вечеру. Understand?

— Это будет нелегко, — грустно вздохнул следователь.

— Да работа вообще нелегкая.

В это время с улицы послышался шум и во двор вбежал растрепанный парень, за ним вбежал один полицейский, а на улице послышался звук подъехавшей машины. Капитан двинулся навстречу вбежавшему и быстрым движением сбил его с ног. Подоспевший участковый поднял его и собрался увести со двора...

— Кто вы? — любезно спросил прокурор у молодого человека, остановив движением руки полицейского.

— Дима я... — тяжело дыша, ответил молодой человек.

— И что вы тут забыли? — спросил Михаил, показав полицейскому отпустить парня.

— Это жених убитой, — пояснил полицейский.

— Ага... — протянул прокурор, многозначительно покосившись на следователя. — А что за машина подъехала?

— Журналисты.

— С вашего позволения, Дмитрий, я оставлю вас на попечение моего коллеги.

— Конечно, товарищ подполковник, — ответил обрадованным голосом (насколько это возможно в подобной ситуации) Дима.

Михаил Александрович вышел за ворота, следователь, посмотрев на Диму, сказал:

— Он не подполковник, советник юстиции...

Дима виновато пожал плечами.

Божесов, выйдя к журналистам, заметил, что толпа стала немного больше. Он направился в сторону фургона регионального телевидения и узнал в корреспонденте Оксану Васильеву, свою давнюю знакомую.

— Здравствуйте, Оксаночка, — нагло поздоровался прокурор.

— Добрый день, Михаил Александрович, — холодно ответила журналистка. — Петр, начинай съемку.

— Ну и ладно, — пожал плечами прокурор.

— Михаил Александрович, расскажите о происшествии.

— Убита молодая девушка. В своем доме. Полиция считает, что причина убийства носила бытовой характер. Следственный комитет уже приступил к работе, причин сомневаться в положительном итоге следствия нет, — говорил прокурор в сторону от камеры.

— Петя, снимай! — крикнула журналистка.

Михаил Александрович тоже повернулся. Из ворот полицейский выводил Дмитрия. Прокурор оценил быструю реакция капитана.

Вечером того же дня в кабинет Михаила Александровича пришел Загородний.

— Добрый вечер, товарищ подполковник, — поздоровался следователь с улыбкой.

— Плохая шутка, — сердито ответил Божесов.

— А шутник здесь.

— Зачем ты его привез? Мы же все обсудили.

— Я его допросил. И оказывается, что он умеет метать ножи. Научился в армии. А вот алиби—то и нет!

— То есть это он? — хитро прищурился прокурор.

— Скорее всего.

— А мотив?

— Девушка была беременна. Я подозреваю, что не от него. Наверное, он тоже об этом узнал, произошла ссора и... и все.

— Почему «наверное»?

— Он не признался, именно поэтому я привез его сюда.

Божесов откинулся в кресло и с запрокинутой головой начал смотреть на следователя. Было видно, что прокурор устал. «В какой момент я допустил, чтобы в областную прокуратуру привозили ревнивых убийц?» — подумал он, но тут же вспомнил о своих принципах постоянного контроля.

— Ты хочешь, чтобы я его допросил? — смеясь, спросил Михаил Александрович.

— Был бы не против.

Он встал из—за стола и вместе со следователем пошел в комнату для допросов, куда привели Диму.

— И снова здравствуйте, — слащаво поздоровался Божесов.

— Ну, слава Богу, — воскликнул Дима. — Вас-то я и ждал!

— Неожиданно, — удивился Михаил.

— Да, да. Вы ведь понимаете, что я бы не убил ее, — тараторил Дима, — Не убил... У нас должен был быть ребенок. Мы собирались пожениться. И...

— Я понимаю, Дмитрий, — прервал прокурор. — Вы были шокированы, в состоянии аффекта... Но убийство есть убийство. Мы будем настаивать на смягчении приговора, но вот суд... Суд может не понять, у него свое мнение... Вы же понимаете... — говорил Божесов с цинизмом, внутренне подсмеиваясь над обвиняемым.

— Стоп, стоп, стоп! Вы тоже думаете, что я ее убил? Это

ведь невозможно! Как...

— Думаю, не стоит отпираться, Дмитрий. Мы все знаем, что убили вы. Верно, товарищ капитан?

— Конечно, господин прокурор. Все улики следствия указывают на Дмитрия...

— Но ведь это какой—то бред! — отчаянно крикнул Дмитрий.

— Вы думаете, что это бред? Хотите я расскажу, как все было?

— Делайте что хотите...

— Прекрасно! Не нервничайте, Дмитрий... Все можно исправить... Чуть—чуть, но исправить... Итак, вчера вечером вы сидели со своим другом, назовем его «Виктором», в баре на улице Суворова. Вы всегда так делаете перед ночной сменой. От него, мы не знаем в каком контексте, но узнали, что ваша будущая жена беременна не от вас. Всю свою смену вы были расстроены и уже готовы были простить, но придя домой, часов в девять, вы в жестких выражениях поговорили со своей невестой... В один момент чаша терпения переполнилась, и ваша благоверная выбежала во двор, но вы, вскипев, ведь вы импульсивная личность, выбежали за ней с криками и метнули, уверен, что в порыве ярости и гнева, без всяких дурных мыслей, но *метнули* нож... О ужас, она убита! Вы, опять в порыве, убегаете с места преступления. И возвращаетесь прямо нам в лапы! А теперь внимание, попали нам в лапы с *чистосердечным признанием*. Поняли?

Дмитрий молча сидел с подавленным видом.

— Оставлю вас с бумагой и ручкой. Надеюсь, что вы опишите все еще подробнее. Хорошо?

Дмитрий молчал.

— Хорошо, — сам ответил Михаил. — Пойдемте, товарищ капитан.

Прокурор и следователь вышли из комнаты допроса, оставив Дмитрия наедине с бумагой и пригласив конвойного.

— Михаил Александрович, — почему—то по отчеству обратился следователь. — Вы ведь угадали с ночной сменой.

— Да? — равнодушно спросил прокурор. — Не удивлен... Хотите узнать о вашей ночной смене, товарищ следователь?

Загородний заинтересованно кивнул.

— Я сейчас поеду домой, где буду спать. А вот вы будете искать «Виктора» и дальше прорабатывать версию произошедшего, для суда я слишком слабо все придумал! Хотя и достаточно интересная получилась импровизация... Надеюсь, он не догадается, что пальчиков на ноже нет. Ведь нет, капитан?

— Ну, да... — смутился Загородний.

— Посчитаем это условностью... — безжалостно проговорил Божесов, хоть и осуждал следователя.

— А в суде вы обвинять будете?

— Да что вы! У меня еще дело об украденной козе. Куда мне! — этот жесткий сарказм показал Загороднему, что Бо-

жесов уже слишком устал за день.

— Я понял... Спокойной ночи, Михаил Александрович.

— И вам. Работайте.

Божесов и Загородний пожали друг другу руки и направились в разные стороны.

Михаил Александрович прошел на парковку областной прокуратуры, завел свою машину и мягко вывел ее на опустевшие улицы города. За десять минут прокурор доехал до охраняемого жилого комплекса, в котором занимал четырехкомнатную квартиру с гостиной, библиотекой-кабинетом, двумя спальнями, ванной комнатой, кухней и террасой. Не успел Божесов устроиться на уютном диване в гостиной, как ему позвонили.

— Слушаю?

— Здравствуйте, Михаил, это Мари.

— Добрый вечер... Чем обязан? — с унылым видом, о котором не могла догадаться Мари, но оживленным голосом, спросил прокурор.

— Игорь Сергеевич передал мне ваш номер и сказал, что вы мне подробно расскажете про инвестклимат...

— К сожалению, вспомнил об этом...

— Почему вы говорите «к сожалению»? Не рады моему звонку? — игриво спросила Мари.

— Можно предположить, что вы ждали это мгновение всю жизнь.

— Не всю, но тем не менее... С радостью с вами встречу.

Когда вам удобно?

— А давайте прямо сейчас, — рискнул предложить Михаил в надежде на отказ, ибо душевная усталость от дневных событий требовала отдыха.

— Где? — неожиданно легко спросила Мари.

— В одном прекрасном ресторане на улице Советской, ресторан «Golden appetite», 16 дом.

— Ждите меня. Через полчаса буду, — и повесила трубку.

Михаил Александрович встал и потянулся. В голове уже появились кое-какие бойкие мысли. Он переделался в легкий летний костюм, на всякий случай осмотрел квартиру и, с появившейся лукавой улыбкой, покинул помещение.

— Не дали отдохнуть и осмыслить ситуацию — хотя бы развлекись!

Глава V

Ресторан «Golden appetite» по достоинству носил звание лучшего ресторана города. В нем отдыхала после тяжелого дня «аристократия». Классическая европейская кухня, аутентичный зал и живая музыка могли успокоить измученную душу, подарить наслаждение и заставить забыть все проблемы... Именно там через полчаса, как и было запланировано, областной прокурор встретился с представительницей «Boff Corporation». Разумеется, сделали они это как частные

лица. После короткого изучения меню были заказаны стейк из форели, филе индейки, ягодный десерт и белое полусладкое вино.

— Ну, Михаил, давайте поговорим, — предложила Мари.

— Давайте, для начала, перейдем на ты, так проще.

— Как скажешь, — ответила Мари, сделав ударение на последнем слог.

— Можно поинтересоваться, что ты тут делаешь? — спросил Михаил Александрович.

— Игорь Сергеевич не мог тебе не рассказать. Компания, в которой я работаю, хочет инвестировать в ваш регион достаточно солидную сумму. Я осматриваюсь...

— И чем занимается компания?

— Неужели не слышал? — удивленно спросила Мари.

Божесов пожал плечами.

— По сути всем — информационными технологиями, электроэнергией, газодобычей, нефтепереработкой, строительством, машиностроением, фармацевтикой... В общем, многопрофильная деятельность.

— А в нашем регионе?

— Нефтеперерабатывающий завод хотим поставить. Трубы рядом, инфраструктура нормальная, рабочие места... Но я здесь, чтобы рассмотреть и другие предложения. Хотя я и математик, но чутье вполне предпринимательское.

Михаил Александрович не знал, что сказать. Математики ему не нравились. Он просто сидел и смотрел на Мари. Она

была одета в легкое короткое платье, и его взгляд скользил по ее телу.

— Хочу сказать, что не считаю себя компетентным в вопросах бизнеса и инвестиций... Но займитесь лучше машиностроением, это, хотя бы, актуально в регионе... У нас готовят профильных специалистов, а против новых рабочих мест никто не будет ничего иметь!

— Я подумаю, — улыбнулась Мари. — Сообщу руководству, и, разумеется, осмотрюсь сама... Но я надеюсь у нас будет много времени, чтобы поговорить о деле, поэтому предлагаю воспользоваться случаем и немного поболтать, хорошо?

— Следующего раза может не быть... У меня предвидится много работы в связи с выборами. О делах давайте говорить сейчас.

— Все же надеюсь, что у нас будет время... Просто Игорь Сергеевич отзывался о тебе, как о довольно экстравагантной и глубокой личности, своеобразном философе. Вот я и хотела поговорить о чем—нибудь...

— Например? — Божесову понравилась лесть. Поболтать он и правда любил.

— О религии, — как-то робко произнесла Мари. Божесов уставился на нее в недоумении. Она посмотрела ему в глаза и сказала смелее: — Почему бы и нет?

— Вряд ли я могу считаться философом... Но, раз уж ты предложила... Знаешь, Мари, мне трудно назвать себя рели-

гиозным, хоть в Бога я и верю... Вообще, считаю, что отрицать существование чего—то выше нас — глупо. Возможно, люди приписали слишком большие способности Богу, но лучше верить, чем нет. В конечном итоге я ничего не потеряю.

— Почему не потеряешь? — с интересом спросила Мари.

— Когда я умру, то: либо я исчезну вообще, либо появлюсь перед высшим судом. В первом случае, от жизни по правилам я получу лишь добрую память современников, а во втором от праведной жизни перед высшим судом я представлю каким—никаким, но праведником.

— Любопытно.

— Скорее логично. Продолжим дальше, — сказал Михаил Александрович, оживляясь, — Сейчас люди, судящие о религии, в своем большинстве, не имеют о ней ни малейшего представления. Происходит это либо из-за их тупого взгляда на мир, лишённого желания анализировать и рассуждать. Любо потому, что эти люди когда—то хотели «войти» в религию, но были повернуты обратно...

— То есть? — Мари по необъяснимой причине жадно слушала эти слова.

— Я называю это «проблема бабулек» (конечно же, я утрирую). Есть люди, считающие себя святыми, и поучающие всех остальных, которые в первый раз посетили церковь. При этом проблемные бабули сами мало чего знают. Примерно на моем уровне познания богословия...

— Но от чего такие выводы? Сам же говорил, что не веришь...

— У меня был случай, — продолжил прокурор. — Однажды в церкви, когда я ходил туда с народом, было очень душно и жарко. И одному маленькому мальчику стало плохо. Сопровождающая бабушка начала лихорадочно его крестить. Я же предложил вывести его на воздух. И знаешь, не все те люди, с которыми мне приходилось работать, смотрели на меня таким взглядом, как эта бабулька и ее «единомышленники». Потом я рассказал эту историю митрополиту, и он, расстроено, согласился с тем, что люди плохо ориентируются в церковных вопросах, придавая им слишком большую значимость.

— И все же я считаю, что церковь это бизнес, — ввернула Мари. Божесов подозрительно и даже снисходительно взглянул на нее.

— Ну, во—первых, бизнес происходит не во всех религиях. А во—вторых, по отношению к Русской Церкви подобные аргументы стали уже стереотипными! Конечно, может быть и попадаются предприимчивые священники, но, в своем подавляющем большинстве, прихожан никто насильно не обирает. Они сами платят за услуги, оказываемые церковью. С другой стороны, есть услуги, заходящие за рамки разумного, но скорее всего это происходит от отсутствия истинного духовного воспитания как у священников, так и у тех, кто просит оказывать такие услуги. Конечно же, сравнивая

внешние показатели, можно смело сказать, что церкви богаты, а архиереи и патриархи одеваются роскошно! Но в этом есть доля традиций, измененных и подогнанных под вкусы действующих управляющих... К тому же, пожертвованиями паствы на мерседес не соберешь, тут спонсор нужен. Но вокруг всего этого не стоит забывать о мистическом значении религии...

— Тем не менее, как замечала я, к религии относятся с каким—то отвращением.

— Ты видела когда—нибудь, в русскоговорящих странах, атеиста, который бы уважал религии? Нет таких! Мне не встречались! Все атеисты, в подавляющем большинстве, кричат на каждом углу, что религия уничтожает личность, убивает свободу, или обирает народ. И приводят множество аргументов. Как раз о церковных поборах и даже о крещении. Считают, что нельзя крестить детей в младенческом возрасте, что это умаляет их права на самоопределение. Но кто мешает этим детям отказаться от веры позже? Тем более, что религия сама говорит о самоопределении. Поэтому все слова подобного рода — демагогия. Кстати, атеисты тоже не едины. Атеизм нельзя назвать религией, ибо атеист протестует против доминирующей в своей стране религии. Конечно, у церкви есть проблемы с духовным воспитанием своих прихожан, в отсутствие наглядных и понятных пособий. А у общества есть проблема с резким негативным настроением против церкви. К слову, подобное отношение нарушает права

человека, за которые сейчас все так воюют. Но, безусловно, Церкви нужны реформы, но и людей стоит перевоспитывать.

— Даже не знаю, что тебе сказать. Ты меня очень удивил такими наблюдениями.

— Давай просто выпьем за всепоглощающую силу здравого смысла и за мировое понимание.

— Давай.

Вино было выпито. Ужин съеден. Голова разгружена. Михаил и Мари еще немного посидели. Поболтали об окружающих людях. Попросили счет на двоих. Расплатились. И уехали из ресторана на машине прокурора.

Глава VI

Утром, после совместного завтрака, Михаил подвез Мари до центра, а сам уже в половину девятого был в своем рабочем кабинете. Два часа он работал с различными документами и уже собирался поехать к губернатору, чтобы рассказать о гарантированных инвестициях. Но в дверь постучали, и вошел Загородний, выглядящий достаточно отталкивающим, но Михаил Александрович списал это на рабочую ночь.

— Доброе утро, — поздоровался прокурор. — У меня, вижу, теперь тут проходной двор... Как ночь? Все подшил?

— Да, — кивнул следователь.

— Дмитрий сознался?

— Все сделано, но...

— Что?

— Еще убийство.

— Ну и? — спокойно посмотрел Божесов.

— Таким же способом и таким же ножом.

— Где? — в голосе звучали нотки заинтересованности.

— В университетском общежитии.

— Еще студентка?

— Нет. Парень. Аспирант юридического.

— Когда?

— Часов в девять.

— Ну, расследуй, что могу сказать...

— Да, да... — как—то неуверенно сказал следователь

Загородний уже собирался уходить, но видимо переборол себя, спросил:

— А как насчет Дмитрия?

— А шо с ним?

— Ну, я думаю, он не виновен в первом убийстве...

— То есть, давай честно, — Божесов говорил все это в очень удивительной манере, — Думаешь, что убийства совершены одним человеком?

— Наверное...

— Был на месте?

— Сейчас собирался.

— Вот и съезди, и уже потом делай выводы. А Дмитрий подписал?

— Да.

— Тогда он виновен, — откинулся в кресле Михаил Александрович.

— Угу... — грустно ответил Загородний. В этом грустном голосе слышалась истинная чистая растерянность. Прокурор закрыл папки на рабочем столе и растянул:

— Ладно, монах, поехали вместе. Там разберемся.

Ехали каждый на своей машине. Через шесть минут добрались до общежития — каменного здания, помнящего Сталина. Прокурор и следователь прошли на третий этаж, в одну из комнат, залитую кровью лежавшего там молодого человека, рядом с которым крутился судебный эксперт.

— А он кто такой? — спросил Михаил, осмотрев комнату со скучающим видом.

— Сергей Николаевич Моринов, 27 лет, аспирант юридического факультета. Убит так же, как и та девушка.

— Ясно, — сказал Михаил и прошелся по комнате, пробежав ее быстрым взглядом. — А кто нам так своевременно сообщает об убийствах?

— Какой—то аноним, — спокойно ответил следователь.

— Видимо, с этого не стоило начинать! — укоризненно посмотрел на него прокурор.

— А как же насчет общественности? — ехидно передразнил его Загородний.

— Скажите, что Моринов и был истинным отцом ребенка, мать которого убил Дмитрий.

— Но Дмитрий не мог этого сделать. Убийство произошло в 9 часов!

— А я и не говорил о том, что Моринова убил Дмитрий. Вы, товарищ капитан, продолжайте расследовать убийство аспиранта, а виновник первого убийства, по—прежнему, внимание, капитан, — *сознавшийся* Дмитрий.

— Но...

— И не забудьте определить анонима. Понятно?

— Да...

— Всего хорошего. Докладывайте мне, — задумчиво произнес прокурор.

Михаил вышел из общежития и поехал в администрацию. Через десять минут он был в кабинете губернатора и, расположившись на диване, рассказывал во всех подробностях, как провел вечер, как провел ночь, и сообщил о том, что регион точно получит инвестиции, а также выразил готовность помогать в подобных проектах сколько угодно — ему только в радость.

Но когда речь зашла об убийстве, которое заставило Михаила Александровича покинуть кабинет вчера, прокурор начал осторожничать, но все—таки рассказал о любопытных совпадениях, умолчав личность подозреваемого и степень оправданности подозрений.

— Следи за этими делами и принимай меры. Не нужны нам убийства перед выборами.

— Ты уже говорил об этом...

— Я повторю еще раз.

— Не надо, — улыбнулся Михаил.

— Ну и хорошо. Я сейчас поеду провожать полпреда, с ним вроде бы все обошлось. Поэтому я предлагаю заняться своими делами, хорошо?

— В отличие от некоторых губернаторов, прибегающих к магии гостеприимства и построенной за федеральные деньги школе, я всегда хорошо и вовремя делаю свою работу, к которой никто не подкопается... И поэтому я лучше поеду домой поспать после... ну ты понял.

— Ради Бога, делай все что угодно.

— Прекрасно!

Заехав в прокуратуру и взяв некоторые документы, Михаил Александрович отправился домой, где в уютном кабинете под теплыми лучами солнца, спокойно просмотрел отчеты и толстые папки с уголовными делами. Стало скучно. Что—то ныло в душе. Божесов гнал от себя очевидные мысли, но в конце концов решил позвонить Мари.

— Привет, — наивно начал он.

— Привет, — весело ответила Мари.

— Как провела день?

— Весело. А ты?

— Как обычно... Слушай, может мы...

— Прости, мне сейчас немного неудобно разговаривать.

Свяжемся потом. Хорошо?

— Ладно...

Прокурор печально посмотрел из окна на серую реку, немного помечтал о том, что было предсказуемо, но собрался с мыслями и решил заглушить томления своей души так, как он делал это обычно. Михаил Александрович позвонил начальнику полиции:

— Петр Дмитриевич, пришлите мне к полуночи патрульную машину с двумя сотрудниками, хочу по городу покататься, развеяться... Спасибо.

Патрульная машина забрала прокурора и поехала своим стандартным, ночным маршрутом. Прокурор и полицейские говорили о жизни, о работе, катались по городу, смеялись, наводили порядок в двух дворах, поймали наркомана, остановили пьяную потасовку — в общем занимались должным. Божесову нравилось говорить с рядовыми сотрудниками правоохранительных органов. Многое через них можно было узнать о положении дел, направлении мыслей и желаниях граждан. Только если говорить с полицейскими на равных — у Михаила Александровича это получалось.

Так они прокатались до половины шестого утра и уже собирались заканчивать дежурство, но Божесову позвонил Загородный.

— Здравствуйте, не разбудил?

— Абсолютно точно нет. Что случилось?

— Еще убийство, — был глухой ответ. — Полчаса назад,

на Западном кладбище. Звонил аноним. Группа выехала, я буду через пятнадцать минут. Вы приедете?

— Думаю даже раньше остальных.

— Хорошо.

Михаил Александрович убрал телефон. Полицейские вопросительно смотрели на него.

— Поехали, товарищи, на Западное кладбище. Там нас ждет достойное продолжение ночи...

Солнце уже вставало, но Западное кладбище оставалось мрачным от зловещих теней высоких старых деревьев. Зачем на кладбищах нужны деревья, прокурор не понимал, но думать об этом не хотелось — хотя часто в голову закрадывалась мысль проверить муниципалитет по вопросу обслуживания кладбищ. Прокурор и один из полицейских шли вглубь кладбища, пробираясь через неухоженные тропинки между могилами. Атмосфера располагала к тому, чтобы достать пистолеты. Мерное покачивание скрипучих деревьев щекотало расшатанные бессонницей нервы. Михаил Александрович краем глаза заметил какое-то белое облачко тумана, напоминающее очертание фигуры. Он поморгал глазами и туман исчез.

Послышался звук приближающихся машин, прокурор и полицейский немного успокоились и продолжили двигаться дальше. Наконец они нашли то, что искали, впрочем, это не произвело на них приятного впечатления. На мраморном, старом и забытом всеми надгробии растянулся труп женщи-

ны с кривым ножом, торчащим из горла.

— Господи! — фыркнул полицейский с отвращением.

— Вряд ли это сделал он, — заметил прокурор, не оставляя своей циничной манеры, убирая пистолет за ненадобностью, мертвых он не боялся.

Следственная группа отработала все, что ей полагалось, а Божесов, уставший от более чем суточного бодрствования и трех трупов, поехал домой, предварительно отдав распоряжение капитану Загороднему, чтобы тот подготовил подробную аналитическую записку.

Но, видимо, не суждено было Михаилу Александровичу попасть в теплую постель. Уже рядом с ее чарующими одеялом и подушками раздался телефонный звонок.

— Алло? — сердито пробормотал Божесов.

— Михаил Александрович, — послышался в телефоне голос следователя. — Хотите узнать, кто убитая?

— Ну давай... Рискни...

— Анастасия Леонидовна Петрова, 32 года, бывшая заключенная, нигде не работала.

— Очень интересно, — ответил спящим голосом прокурор. — Я лучше спать пойду. Соберитесь завтра у меня в кабинете.

— А не сегодня?

— Сегодня не могу, буду отдыхать.

— Кого позвать?

— Петра Дмитриевича, Димского, Вилкова и себя не забудь.

— Хорошо, отдыхайте.

— Спасибо.

Михаил Александрович завершил разговор, кинулся в постель и в самый последний момент погружения в сон подумал: «Неужели маньяк?»

Глава VII

Прошел день. Все приглашенные пришли к прокурору, к ним по собственной инициативе присоединился губернатор. Михаил Александрович бодро встал из—за стола и начал:

— Итак, думаю, что у людей, которые в курсе событий, уже сложилось мнение, но я, все же, озвучу общее... в городе маньяк.

Все удрученно кивнули.

— Это очень плохо и тем более за полторы недели до выборов. С этим нужно что—то делать. Какие идеи у вас?

Все промолчали.

— Маньяк, — продолжал прокурор, поняв, что надеется можно только на себя. — Должен действовать по каким—то стандартам, но все жертвы различаются буквально во всем. Разные социальные статусы, разный пол, возраст, между ними просто не было ничего общего!

— Согласен, вроде бы нет ничего общего, но обо всех пре-

ступлениях сообщал один и тот же человек, личность которого нам не удалось установить, и способ убийства был одинаковым, — заметил начальник полиции Петр Дмитриевич.

— Мы не знаем кто нам звонил? — спросил Игорь Сергеевич.

— Нет, — ответил ему следователь.

— Ладно. А что же нам говорить СМИ?

— Думаю, правду. Скрывать ничего не надо, если это всплывет, то нам будет хуже, — ответил Михаил Александрович.

— Скорее всего... — уныло согласился губернатор.

Раздался стук. Дверь открылась.

— Михаил Александрович, убили главу оппозиционного штаба, точно так же, — сказал, вбежавший в кабинет, дежурный.

— А вот это господа, действительно удар по нашей предвыборной кампании! — с жаром произнес губернатор и выругался.

Все присутствующие выехали на место преступления. В своей квартире, выходящей окнами на реку, лежал убитый известным нам способом, Александр Всеволодович Сикиров, глава областного штаба несистемной оппозиционной партии.

— Сложно представить, какие последствия повлечет за собой эта провокация, — сказал Игорь Сергеевич.

— Думаю, ужасные.

— Найти кого угодно за два дня, — задумчиво приказал губернатор.

— Для начала нужно установить анонима, — заметил прокурор, не разделявшей общего упадка.

— Мы установили его личность, — неожиданно всплыл следователь.

— Кто?

— Наш старый друг Понырев.

— Серьезно? — удивленно спросил прокурор. — И где он?

— Его отвезли в СИЗО.

— Вы тут разбирайтесь, — сказал прокурор. — А я тогда к Поныреву.

Божесов вышел из квартиры, оставив в ней следователя, двух своих заместителей, начальника полиции и, непонимающего что он здесь делает, губернатора.

В СИЗО Михаила Александровича провели в допросную комнату, где спокойно сидел городской бездомный, лидер всех бродяг и просто неработающий (но от этого не менее талантливый) человек.

— Ну что, господин Понырев, поехал ты от такой жизни, — совершенно дружелюбно проговорил прокурор. — Рассказывай все об убийствах.

— Михаил Александрович, — начал спокойно бездом-

ный. — Вы меня прекрасно знаете, я вам часто помогал, вы часто помогали мне... Думаю, за это время мы смогли достаточно хорошо изучить друг друга, чтобы вы поняли — я не имею к случившемуся никакого отношения.

— Я и не говорил, что ты убийца. Я говорю тебе, что ты маньяк, — усмехнулся Божесов.

— Да что вы! Какая принципиальная разница, — будто бы обиделся Понырев.

— Не остри, уважаемый. Предположим, что я тебе пове-
рил. Тогда ответь, почему ты сообщал обо всех убийствах?
Почему представлялся анонимом? А?

— Ну, во—первых, не обо всех, а только о трех.

— Не важно, — прервал прокурор.

— А анонимом я представлялся, потому что мне так хо-
телось.

— Безумно логично, — посмотрев на подозреваемого
взглядом полным превосходства, ответил Михаил. — Хоро-
шо, давай так: сможешь назвать мне три причины, почему
мы не должны тебя хотя бы подозревать?

Повисла пауза. Понырев напряженно стал думать. Думал
долго. Прокурор не выдержал:

— В таком случае я назову тебе три причины для *подо-
зрений*. Первая. Ты знал обо всех убийствах и сообщал о них.
Вторая. Ты умеешь владеть ножом, мне это прекрасно из-
вестно. Третья. У тебя была реальная возможность совер-
шать эти убийства... Достаточно?

— Для вас — да.

— Ну и прекрасно. Адвоката я тебе найду. Следствие закончится. Обвинять тебя буду я.

— Спасибо. Большое спасибо, — с сарказмом сказал обвиняемый.

— Не благодари, — аналогичным образом ответил прокурор.

Михаил Александрович вышел из допросной камеры. Сильно болела голова. Он тут же поехал домой и там уснул прямо на диване. В два часа ночи проснулся. Что—то в душе, не относящиеся к убийствам, очень сильно болело...

Он прошел в столовую и налил себе стакан сока из холодильника. Сел за стол, достал карандаш и начал думать:

«Убийства происходили в какой—то определенной последовательности.

Возраст первой жертвы 19 лет, пол женский, убили в 10 часов утра, студентка факультета журналистики.

Возраст второй жертвы 27 лет, пол мужской, убили в 9 часов утра, аспирант юридического факультета.

Возраст третьей жертвы 32 года, пол женский, убили в 5 часов утра, когда-то сидела в тюрьме, не работала.

Обо всех убийствах сообщал аноним, который вероятно и был убийцей, играющим в игру с полицией, но четвертое убийство...

Возраст четвертой жертвы 31 год, пол мужской, убили в 4 часа утра, глава ультралевой оппозиционной партии в

области.

Какая же здесь закономерность? Что мотивировало Понырева? А может быть и не Понырева?

Убитые не имели между собой связи. Не были знакомы. Работали в разных сферах. Были разного возраста и пола. Какой же алгоритм? Если бы это сделал Понырев, то, чем бы он мог руководствоваться? Ему от этих убийств ни жарко, ни холодно. Вряд ли он мог стать маньяком за такой короткий срок. Может быть и не Понырев убийца?

Надо отпустить и его, и Дмитрия. Рискнуть. Может, ловить на живца?»

Прокурор еще раз посмотрел на свои записи с данными жертв.

«Ха! Это ведь неожиданно, но интересно. Нужно ехать в Следственный Комитет!».

Прокурор, обрадованный своей находкой, поехал к Загородному.

Глава VIII

Загородний выходил из своего кабинета, когда послышались шаги по коридору, и вскоре появился прокурор.

— Надо выпустить Дмитрия и Понырева, они невиновны, — быстро сказал он.

— Почему вы так решили? — спросил Загородний недоверчиво, вновь открывая кабинет.

— Как думаешь, что объединяло убийства? — ответил вопросом прокурор.

— Я думал над этим, но ни к чему не пришел...

— Цифры! Все преступления были математически закономерны!

— То есть?

— Возраст следующей жертвы был суммой возраста предыдущей жертвы и разности второй и первой цифр возраста предыдущей.

— Не понял, — лаконично, видимо из—за усталости или нематематического склада ума, ответил следователь.

— Студентке было 19 лет, возраст аспиранта 27 лет. Сколько лет разницы?

— Восемь...

— А девять минус один сколько?

— Восемь.

— Совпадение?

— Не думаю.

— И так со всеми, — сказал прокурор. — И во времени тоже закономерность.

— Какая?

— Время — это сумма цифр возраста.

— Тоже у всех?

— Да.

— А пол?

— Там чередование девушка, мужчина, девушка, мужчи-

на, — возбужденно выпалил Божесов.

— Что с профессией?

— А вот в этом самое интересное. Знаешь, все три первые жертвы, точнее их род деятельности соответствовали жизненным этапам нашего дорогого оппозиционера.

— Значит маньяк был заиклен на убийстве оппозиционера, *это* была его маниакальная идея?

— Плохой каламбур... — отмахнулся Михаил. — Вот в этом и дело, что убивал всех их не маньяк!

— Почему?

— Потому что не было первой жертвы, которая должна была быть при такой закономерности! — Михаил Александрович по всей видимости упивался своей гениальностью.

— И кто же должен был быть первой жертвой? — спросил следователь, окончательно разговорившись.

— Мальчик, четырнадцати лет, убитый в пять часов.

— И кто же тогда убивал, если не маньяк?

— А вот этого я не знаю, — пожал плечами прокурор.

— Ну, а какой хотя бы мотив?

— Я же сказал — оппозиционер. Это было провокационное убийство, прикрытое тремя другими, для создания иллюзии наличия маньяка, чтобы мы пошли по неправильному пути.

— А почему не Понырев—то? — недоумеая, спросил следователь.

— В этом я убежден, но потом объясню... Выпусти его и

доставь ко мне. Мы с ним съездим в сосновый бор. Только скажи, чтобы его помыли.

— Хорошо. К обеду все устрою.

Глава IX

В сосновом бору далеко за городом находились маленькие, уютные домики главных должностных лиц области. Туда, в одно из самых своих любимых мест, поехал Михаил Александрович, чтобы отдохнуть от людей и подумать об убийствах и себе. Для мыслей об убийствах прокурор взял Понырева (его отмыли и приодели), а о себе — свой дневник.

Дорога была пустой и ровной, и если пустота указывала на рабочий день, то ровность указывала, что дорога идет на Москву (но справедливости ради скажем, что большинство дорог в области были неплохими при Игоре Сергеевиче).

Когда приехали в бор, было уже пять часов вечера, и после распаковки вещей и осмотра дома, сели ужинать.

— Ну, товарищ мой, что ты думаешь об этих убийствах? — непринужденно спросил прокурор.

— Как—то странно это слышать из уст недавнего обвинителя, — ответил Понырев.

— Ну не обижайся, меня дезинформировали, только и всего. Ты же меня поймешь. И более того — поможешь.

— А вот тут согласен! — ухмыльнулся бездомный.

— Тогда расскажи свои соображения.

— Ладно, — сказал Поньрев. — Каждый раз перед совершением какого—то убийства я видел фигуру в белом комбинезоне, направляющуюся в сторону будущего места преступления.

— А как ты так удачно оказывался на местах преступления?

— Чистое совпадение.

— Поверю на слово... Не стану на этом зацикливаться, — равнодушно бросил Михаил Александрович. — Давай дальше.

— А чего дальше? Кроме того, что я видел, а потом звонил и того, что слышал в новостях, я больше ничего не знаю. Поэтому вряд ли я буду полезен.

— Ну ладно уж, и на том спасибо... Можешь, в благодарность за освобождение, убрать со стола?

Поньрев посмотрел гордо, но смирился под не менее гордым взглядом прокурора. Божесову невозможно было отказать, он доминировал практически во всем.

После ужина Михаил пошел на второй этаж в свою спальню. Он долго сидел за чтением дневника, думая о Мари. Очнулся, когда было уже девять, отогнал от себя приятные, но ненужные, мысли и вышел на балкон. Сосновый бор погружался во тьму, окна домов директоров департаментов горели ярким светом. Бор затягивал вечерний туман. Странная тень привлекла внимание прокурора. Он вновь вошел в дом

и вернулся с биноклем. Направил его в ту сторону, где была тень. Холодный пот пробежал по спине. Тень отбрасывала фигура в белых одеждах, похожих на комбинезон. Михаил Александрович лихорадочно проводил устные расчеты, не отводя глаз от фигуры. И успокоился, поняв, что не может быть следующей жертвой. На балкон выбежал Понырев.

— Михаил Александрович, она! Эту фигуру я видел около мест четырех убийств!

Божесов отдернулся от бинокля, посмотрел чуть одурманенными глазами на своего гостя, кивнул, стал смотреть опять. Но фигура уже исчезла.

— Странно это...

— Она прощалась, — задумчиво проговорил прокурор.
— Ты говоришь, что знал обо всех четырех убийствах?

— Да.

— Тогда почему ты не сообщил о последнем вовремя?

— Она мне сказала.

— В смысле?

— Когда я выслеживал предполагаемую жертву убийства, сзади я услышал, что кто—то меня зовет: «Поэт!»

— Почему ты подумал, что тебя?

— Ну, ведь все меня зовут Понырев, а так звали героя в романе «Мастер и Маргарита», Ивана Бездомного.

— Ага... Ясно, — поморщился про себя прокурор, — И что она еще сказала?

— Ничего. Только позвала и показала в противополож-

ную сторону рукой.

— Ага...

Минуту просидели молча. Понырев смотрел на прокурора, прокурор смотрел в душу. Наконец он пробудился, сказал:

— Друг мой, закрой все двери и окна. И иди спать.

Понырев ушел. Прокурор остался в том же положении. Просидел еще полчаса. Взял свой дневник, начал просматривать записи с начала недели. Чем больше он читал, тем больше усиливалась его тревога. Постепенно в памяти начали обрисовываться четкие воспоминания. Но они были не так радостны. Михаил Александрович закончил читать, отбросил дневник, задумался. Стало холодно. Божесов понял, что не закрыл балкон. Вышел туда, в надежде увидеть за соснами тень. Но, к сожалению или к счастью, ничего не было...

— Мистики нет, — сказал он вслух. — Есть только Булгаков...

Уже утром раздался звонок телефона.

— Да?

— Приезжайте в город... Несколько тысяч человек вышли на площадь.

Глава X

Прокурор с Поныревым мчались в Лимск, где с девяти часов на площадь выходили люди с лозунгами «За честные

выборы!», «Свобода слова», «Убийцы правды» и прочими спорными лозунгами, которые все равно сильно подставляли действующую областную власть.

Когда Михаил Александрович въехал в город, на площади было уже десять тысяч человек. Губернатору и мэру пришлось выйти к манифестантам, но их обругали. Властелины города были освистаны, и под улюлюканья толпы согнаны со сцены.

Машину прокурор оставил подальше от площади, мало ли что... А сам направился в эпицентр событий. Где—то около площади, в музее искусств, Михаил Александрович нашел собравшихся вместе, многочисленных городских чиновников.

— Михаил Александрович, может быть вы попробуйте с ними поговорить? — увидев прокурора раньше всех, спросил мэр Лимска.

— Дерьмократы вы, — ответил Михаил Александрович, не сдерживая разочарования. — Кто хоть к толпе выходит? Опозорились на всю страну... Уж и я выйду теперь, что делать. Только скажите, как вы планируете их разгонять, кроме слов?

— Со стороны всех улиц, ведущих на площадь, стоят пожарные машины, — ответил Петр Дмитриевич, таинственно кивнув, предвкушая винтилово.

— Ну, теперь можно будет и поговорить, — слабо улыбнулся ему прокурор. Он вышел на импровизированную сце-

ну с микрофоном в руках и в форме советника юстиции. Толпа шумела и на его появление никак не отреагировала. Неожиданно для всех собравшихся прозвучал выстрел. Все смолкли. К радости прокурора (стрелял именно он, в воздух, конечно) площадь покинули несколько десятков человек.

— Здравствуйте, товарищи! — крикнул, и без микрофона громко, Божесов. — Некоторые из вас меня знают, но я представляюсь — прокурор области, Михаил Александрович Божесов, — по толпе пронесся рокот, но было тихо, все насторожились появлением прокурора. — В некотором смысле меня можно назвать виновником произошедшего. Но одновременно с этим, я пришел вас успокоить, — слышались неодобрительные возгласы толпы. — И рассказать вам истинные причины убийств. Сразу хочу сказать, что это не вранье и не традиционные отговорки. И в доказательство своих слов я спущусь к вам, — под уже немного одобрительные звуки, издаваемые толпой, прокурор спустился со сцены. — Итак, для начала хочу спросить, что вас сюда привело? Вижу на ваших плакатах требования о честных выборах, о свободе слова и прочем... Но есть вопрос, что вам не нравится сегодня? Вы не можете говорить свободно? Тот факт, что вы стоите здесь и вас не давят полицейские, говорит об обратном. Разве не так? Честные выборы? Если не ошибаюсь, то они еще не прошли, и делать выводы о честности немного глупо... Но я понимаю, что вы озадачены и введены в заблуждение смертью господина Сикирова. Вы считае-

те, что *мы* убили его, якобы «боясь честной конкуренции». Смешно! Не так ли? Даже если предположить, что мы все обманщики, воры, уроды, коррупционеры и прочие аморальные типы, то нас ни в коем случае нельзя назвать идиотами, неспособными предвидеть последствия от громкого политического убийства. Мы кто угодно, но не придурки!

Вновь толпа зашумела. Речь хоть и была простой, но какая-то непосредственность и твердость произносимых слов производили впечатление.

— Слышу вы со мной не согласны, ваше право, которое я не буду у вас отбирать. Но скажу, что гражданина Сикирова убили «братья по цеху», такие же оппозиционеры, чтобы вывести таких, как вы на улицу и дискредитировать действующую власть! — прокричал каждое слово прокурор, понимая, что за такое глупое с точки зрения протестующих утверждение его могут четвертовать прямо здесь, но обошлось.

— А теперь задумайтесь. Задумайтесь, задумайтесь! Что вам плохого сделала власть? Вы голодаете? По вам не видно. Вам не на что одеваться? Тоже не видно! Не собираюсь заниматься философией, если вы не заплатили за билет на площадь, но позволю себе одну смелую мысль. Если человек счастлив, не обременен проблемами выживания, то он может и подумать о том, чему возмущаться... так, развлечения ради. Вы можете меня возненавидеть за такие слова, но лучше подумайте о них и своей жизни... Резюмируя, вас просто обманули, вами воспользовались, создали проблемы,

пустили пыль в глаза... Так решайте кто вы: стадо баранов, которое реагирует на любой фейк, или умные люди, понимающие, что для них хорошо. Задумайтесь...

Прокурор вышел из толпы. Вернулся к музею. Все стояли с удивлением на лицах. Люди на площади молчали. Через полчаса толпа начала потихоньку таять, все вопросы их были решены и просто так кричать смысла уже не было.

— Как тебе это удалось? — спросил ошеломленный губернатор.

— Эмоции... Хотя я не сказал ничего в подтверждение своих мыслей... Так, голословные утверждения! Но, думаю, вашей карьере здесь, Игорь Сергеевич, пришел конец, — сочувственно улыбнулся Михаил Александрович.

— Кхм... Наверное... А вот твоя фраза про то, что Сикирова убили «братья по цеху» в Кремле понравится.

— Там бред любят, — шепнул про себя Божесов.

— Ну, хоть расскажешь об убийствах. Пойдемте все в администрацию. Послушаем... — звал Наклеватько.

— Наверно вы все уже знаете алгоритм убийцы. Но суть в том, что три первых прикрывали последнее. Убили нашего оппозиционера как раз для большой протестной волны, которую я сегодня, думаю успешно, разрулил...

— Кто же был убийцей?

— Этого я не знаю, — робко ответил прокурор. — Поныврев утверждает, что всех убивала странная фигура в белых одеждах.

— И личность мы не сможем установить? — не обращая внимания на эту мистическую деталь спросил начальник полиции.

— Думаю, нет, — сказал Божесов, умолчав о том, кого видел в сосновом бору. — *Этот человек* скрылся из нашей области. *Он* выполнял задание оппозиционного штаба, для, как я говорил, дискредитации выборов в областную думу. В какой—то степени у них это получилось. Нас всех снимут с должностей.

— Кроме вас, Михаил Александрович, — заметил Петр Дмитриевич.

— Вероятно, меня даже повысят, — улыбнулся прокурор. — Но дело не в этом. *Наше следствие положит начало арестам в верхушке оппозиции.* Они грандиозно себя подставили этим актом, при чем тут все железобетонно. Даже хомячки не простят своим кумирам убитых беременных студенток... Хотя протест мог бы набрать силу, но только там, где нет меня, — гордо завершил он.

— Да, конечно, — согласился Лев Антонович.

— Я прошу прощения, последнее время у меня не получалось выспаться, поэтому я вас оставляю до вечера. Тем более, нам всем придется писать длинные отчеты в Москву, — говорил уже в дверях прокурор. — До встречи!

По пути домой ему пришло сообщение от Мари:

«Здравствуй, Михаил! Как я только что узнала, ты свел на нет все мои достижения от пребывания в вашем городе... Что уж «достижения»! Ты сделал мои грехи напрасными!

Впрочем, я благодарна тебе и, скажу честно, не ожидала от такого. Зря ты не назвал мое имя на площади, ведь сам сказал, что это псевдоним, тем более что все мое пребывание в Лимске было таким же, как и пребывание Хлестакова в уездном городе (хотя ты, литературистик, можешь опровергнуть мое заявление). Спасибо тебе. Не ожидала от тебя должностного преступления. Надеюсь, ты не влюбился?

Строй карьеру, Михаил, я тебя не забуду, думаю так же, как и ты меня...

Может быть, встретимся».

Часть вторая

Блеф

Глава I

Лето. Сколько счастья для школьника кроется в нем. Сколько опасений кроется в нем для выпускника. Сколько неизвестности для студента. Сколько обычного для работающего человека. Сколько хлопот для чиновника.

Каждому хочется отдохнуть — закрыть глаза и, хотя бы чуть-чуть, хотя бы недельку, плыть по воде, в лучах солнца, в волнах прохлады.

Но, увы, жизнь заставляет нас работать всегда, ибо неделя плавания по воде может унести нас в открытый океан, откуда нельзя более вернуться.

Да... Жизнь прожить, не поле перейти. Она сложна для всех: и для школьника, и для выпускника, и для студента, и для работяги, и даже для чиновника. Все они должны действовать, дабы не попасть в океан. Действовать по—разному, но с одной целью. Действовать — во благо своих личных интересов.

Даже чиновник, основной задачей которого является формирование условий для плавания работяг или контроля «стока» людей в океан, даже он подвластен течениям земных

вод и гребет от океана, «огребая» по головам других. Так и живем... А что удивительного? Все по законам природы. Но может стоит начинать жить ради общества?

Лето, как это ни странно, не смогло миновать и Лимской области. Михаил Александрович Божесов, после прошлогодних событий перед выборами в областную думу назначенный исполняющим обязанности губернатора родной области, мчался на своем служебном автомобиле в D—ский монастырь, встретить своего школьного друга, присланного в Лимскую епархию новым архиереем.

Рядом с губернатором сидел, вдохновенно о чем—то вещая, его секретарь Даниил Николаевич Вилов, перешедший за Божесовым из прокуратуры в областную администрацию.

— Михаил Александрович, вот зря мы не позвали журналистов на эту встречу! — в третий раз пожаловался Даниил Николаевич. — Мы бы использовали это в качестве прекрасного пиара на пустом месте...

— А разве бывает иной? — иронично спросил Михаил Александрович, чем очень сильно обидел своего секретаря, считавшего основной своей обязанностью привлекать внимание общества к губернатору. — Хватит и соцсетей тебе...

После такого обращения, ущемляющего его профессиональные достоинства, секретарь отвернулся к окну, с мыслями о том, как тяжело работать с человеком, не имеющим рамок поведения. Правда, как обычно бывало у Даниила, эти мысли быстро прошли, и он вспомнил, что начальнику от-

сутствие рамок всегда шло только на пользу, и начал заново:

— Задумайтесь! Первым встретитесь с владыкой Михаилом, который, к тому же, был вашим другом...

— Владыкой Михаилом? — пробудившись от мыслей, заинтересованно спросил Михаил Александрович.

— Да, Михаилом, вы не знали? — скороговоркой ответил секретарь, не обращая внимания на тон губернатора; продолжал, — И вот, ваш знакомый теперь возглавляет епархию в вашей же области! Такие возможности! Эх...

— Даниил Николаевич, мои действия совершенно оправданы, отсутствие журналистов — это лучшее, что можно представить.

— Но... — попытался возразить секретарь.

— А ваша задача, — раздраженно говорил губернатор, — Не думать о том, как надо было сделать, а думать, как преподнести свершившиеся факты в выгодном свете... Вот и думайте, а не отвлекайте меня.

Секретарь кивнул в знак согласия, осознавая, что болтать дальше будет неразумно, и, будучи человеком исполнительным, начал думать о том, что ему посоветовали.

Машина губернатора въехала на территорию огромного монастыря, административного и духовного центра Лимской епархии.

У величественного трехэтажного белого здания с колоннами машину встречал новый епископ Лимский.

— Доброе утро! — произнес добродушно епископ с широкой улыбкой на лице, протягивая руки в сторону Михаила Александровича. — Сколько лет мы с тобой не виделись!

— Дольше, чем можно было, — разделяя радость встречи, подхватил губернатор.

— И не говори!

Губернатор и епископ обнялись, чем заставили секретаря Михаила Александровича, еще раз, но уже молча, пожалеть об отсутствии журналистов.

— Пройдемся? — предложил епископ, указывая на кедровую, монастырскую аллею.

— С удовольствием. Заодно и поговорим.

— Это хорошо. Поговорить — это пожалуйста.

— Поговорить — это непосредственная часть твоей профессии, — уколол губернатор.

— Да и в твоей, до недавнего времени, было важно говорить, — парировал епископ.

— Это и не изменилось. На посту губернатора мне приходится слишком много разговаривать. Даже больше, чем на посту прокурора... Кстати, мне тут птички напели, — еле заметно кивнул Михаил Александрович на секретаря, — Что тебя теперь зовут Михаилом... И как это тебя угораздило?

— Лотерея, — кратко ответил епископ, но заметив вопросительный взгляд тезки пояснил, — Перед постригом нам давали мешочек с разными именами. Вот и вытянулось такое имя.

— Интересно будет смотреться! И губернатор Михаил, и епископ Михаил! Шутки начнут шутить...

— А нам какая разница? — спросил епископ. — Не все ли равно, что будут говорить?

— Это тебе может быть все равно, а мне, как объекту будущего народного волеизъявления любые слова могут навредить, — с печальной улыбкой заметил Божесов.

— Все те же мысли о власти, как и в школе! И куда же ты теперь метишь?

Губернатор улыбнулся, но ответил с видимой охотой:

— Да много что... Выборы в следующем году. Исполняющий может стать действующим! Но ведь на этом не все... Теперь в кабинете министров тревожно. Мой хороший друг, даже наш общий знакомый...

— Игорь Сергеевич, бывший губернатор? — тоном знатока политической жизни перебил епископ.

— Ты хорошо осведомлен, наблюдал за жизнью малой родины? — смеясь спросил губернатор. — Так вот, мой друг, теперь работающий в аппарате правительства, сказал мне, что должность министра юстиции скоро освободится... И у меня есть все шансы поучаствовать в борьбе за теплое место.

— Ты слишком молод для этой должности! Да и больно быстрый подъем по служебной лестнице!

— Ничего страшного. Самый старший из кандидатов, старше меня только на шесть лет, а карьерный рост вполне обыкновенен... Никаких проблем, все возможно...

— И каким же образом? — с улыбкой спросил епископ.

— Я уже много смог сделать, как губернатор! — увлекаясь ответил Михаил Александрович. — Уже построена федеральная трасса, такая скорость строительства была замечена в верхах; началось строительство газопровода через область; найдено три с половиной тысячи рабочих мест; в регион *отечественные* компании проинвестировали три миллиарда. Все прелестно! Я точно кандидат.

— Я рад за тебя, — ответил епископ, только чтобы поддержать поток откровений своего друга, больше похожий на хвастовство.

— А еще, — добавил губернатор полушепотом. — Я встречался с ним, дважды, — сказал Михаил Александрович, поднимая палец вверх.

— С *Ним*? — переспросил, с тонкой иронией, епископ, посмотрев в сторону куполов монастырского собора.

— Да нет же! — засмеялся губернатор. — С *Ним* мне рано видаться, тем более дважды.

— Да понял, понял, — смеялся епископ, разворачиваясь обратно к машине.

— Но самое главное! — продолжил свою речь губернатор, следуя за епископом. — Я смог устроить большую ювелирную выставку!

— Вот уж достижение, так достижение! Три миллиарда инвестиций с ним никогда не сравнятся!

— Ну не надо сарказма! — прервал Божесов. — На вы-

ставку придет герцогиня Кервинская и привезет изумрудное ожерелье королевской семьи.

— И какая от этого польза? — усмехнулся епископ.

— Это все те же баллы, — ответил губернатор. — Баллы в мою пользу. Я, губернатор Лимской области, кандидат на пост министра юстиции, могу не только решать проблемы в своем регионе, но и налаживать международные связи. Если герцогине все понравится, то это безусловно сыграет в мою пользу.

— *Он* слишком популярных не любит, говорят, — заметил епископ.

— Брось. Меня после фразы прошлогодней на митинге про то, что убили нашего оппозиционера свои же либерасты, теперь встречают с распростертыми объятьями — я верным быть могу, оппортунистичнее меня только ведущие политических ток-шоу.

— Ну ты даешь! Со школы никаких изменений, — восторженно, а может быть и лстя, сказал епископ.

— Да, да, да... Мне все шло на пользу. Благодарен нашей школе. Она воспитала во мне такого чиновника.

— Удивительное образование!

— Вообще... Все до сих пор пытаются найти дно у этого кладезя мудрости, — высказывание показалось епископу жестким в своей саркастичности.

— Философия... На выставку пригласить не желаешь?

— А это великолепная идея! Там ты себя и представишь!

Выставка 25 июня, на набережной, павильоны уже построены, охрана вымуштрована, — ответил Божесов, садясь в машину, к которой подошли очень незаметно.

— Прекрасно, тогда через три дня встретимся.

— Надеюсь. Пока!

Машина выехала за территорию монастыря. Даниил Николаевич не мог спокойно просидеть в молчании и не выдержал:

— Как все прошло?

— С его преосвященством, владыкой Михаилом, мы обсудили стратегию сотрудничества между администрацией области и епархией. Достигли понимания и поделились планами развития, вверенных нам структур.

— Ясно... — вздохнул секретарь.

Глава II

Много изменилось в Лимске за год. Старая областная власть ушла почти в полном составе, и на их места назначили новых людей из столицы. Жителям области перемены были интересны, пока не началась осень, а с нею и мирские заботы, которые очень хотел облегчить им (и немного себе) Михаил Александрович. Он смог наладить хорошие отношения со всеми: и с новыми чиновниками, узнав о них много интересного от экс—губернатора, которому повезло пойти на почетную отставку-повышение в Москву; и со старым элек-

торатом, — но даже у такого дипломата, как Божесов, возникали трудности...

Его преемник, исполняющий обязанности областного прокурора Сергей Васильевич Смолов, будучи чьим—то московским протеже, не впал в зависимость от решений своего предшественника, к тому же из—за профессиональных разногласий понимание между новой прокуратурой и новой областной администрацией не было достигнуто. Справедливости ради, скажем, что Лимской области везло с прокурорами. Последние четыре синих мундира были большими профессионалами своего дела. Исключение не составлял и Сергей Васильевич. Только он был более замкнутым и педантичным.

Но человеческая неприязнь должна уступать должностным обязанностям, поэтому исполняющий обязанности прокурора Лимской области ехал в областную администрацию на совещание.

Михаил Александрович переделал все в здании Лимской администрации. От туалетов и коридоров до приемной и галереи, от дверей в комнаты до плитки на полу, от цветов на подоконниках до лестниц на чердак. Одним словом, обустроил дворец (даже три комнаты нашел для ночевки) за бюджетные деньги, впрочем, благодаря влиянию на подрядчика, денег было затрачено мало, а исчезло и того меньше (сам Божесов к ним не притронулся).

И вот, в администрации проходил совет, посвященный грядущей выставке.

— Я вижу, все в сборе, — сказал Михаил Александрович, выходя из соседней с залом заседаний комнаты, используемой им в своих личных целях. — Да вы сидите, сидите, — замахал он руками на областных чиновников. — Давайте сразу к делу. У нас с вами пройдет выставка... Не простая выставка, золотая, и это буквально так. Общая цена всех выставленных изделий превышает сто миллионов долларов, а жемчужина выставки — изумрудное ожерелье — стоит все двадцать. Как понимаете, у нас с вами две задачи. Не допустить хищения драгоценностей и оставить приятное впечатление у герцогини Кервинской о России, последнее, наверное, будет трудно, но все равно крайне необходимо, — присутствующие понимающе закивали.

— Так вот, — продолжил Михаил Александрович, — я готов огласить список приглашенных официальных лиц и ответственных за безопасность. Сразу говорю, эти решения выдуманы не мной, я сам только что получил этот список... Итак, открывают выставку: я; новый епископ Лимский, — чиновники переглянулись, но губернатор не обратил внимания, продолжил, — мой секретарь Даниил Николаевич; разумеется, директор выставки Петр Сергеевич; многоуважаемый директор департамента образования и исполняющая обязанности директора лицея №308 Марина Васильевна, — Михаил Александрович театрально показал на нее. — Сама

герцогиня Кервинская перережет ленточку; ее будут сопровождать переводчица; племянник; а также сотрудник МИД РФ, не написано как его зовут... За безопасность отвечает... девушка! — удивленно воскликнул Михаил Александрович, всматриваясь в лист бумаги. Убедившись, что со зрением у него все в полном порядке, губернатор посмотрел на руководителя Службы безопасности, тот утвердительно закивал.

— Да нет, вы неправильно поняли, — смеясь продолжил губернатор. — Я только за то, чтобы девушки присутствовали на этом вечере, только боюсь, думать им будет сложно в окружении драгоценностей. Ха—ха—ха! Гм... Однако я отвлекся. Федор Васильевич, — обратился Михаил Александрович к руководителю Службы безопасности, — обязательно пришлите ко мне эту девушку... Я ее проинструктирую... Так! Опять отвлекся. Хотя вроде бы все. Вопросы есть, товарищи?

— А если я не приглашенное лицо, то можно прийти так, как посетителю? — спросил председатель гордумы.

— А вы, Венедикт Петрович, наверняка с женой? — спросил с улыбкой губернатор, на что Венедикт Петрович скромно кивнул. — Нет, нельзя. На открытии будет присутствовать ограниченное число *приглашенных* гостей из числа бизнес—элиты, всего около шестидесяти человек. Будет фуршет, небольшой концерт нашей Филармонии, а сам вход для *неофициальных*, но *приглашенных*, лиц будет стоить десять тысяч долларов, которые мы перечислим в Фонд Красного

Креста на помощь голодающим детям Атлантиды... Эм... То есть, Центральной Африки... Африки, конечно...

— Значит, вход можно купить?

— А у вас-таки есть свободные десять тысяч долларов? — почему—то с одесским акцентом спросил Михаил Александрович. — И откуда такие богатства у народного избранника? Думаю, если вы купите себе два билета, наш новый прокурор с удовольствием проверит вас... Верно, Сергей Васильевич?

— Вы правы, как всегда...

— Ну вот видите? — развел руками Божесов.

— Михаил Александрович, а как же простые люди? Как они смогут увидеть украшения? — спросил директор департамента культуры.

— Очень просто. Первые два дня пройдут в главном павильоне, куда вход будет стоить две тысячи рублей. А оставшуюся неделю менее ценными, но такими же красивыми украшениями, смогут насладиться все желающие за тысячу рублей.

— А... — начал кто—то.

— Думаю, я ответил на все вопросы, — поспешил губернатор. — Извините, у меня сейчас по плану визит в эти самые павильоны. Рад был поболтать, приходите еще, — губернатор встал и направился к главной двери. Все тоже встали и проводили его взглядом.

Проходя мимо прокурора, Михаил Александрович оста-

новился, спросил:

— Вы сейчас свободны, Сергей Васильевич?

— Очевидно, да.

— Тогда поехали со мной на осмотр.

Прокурор нехотя согласился.

— Вы чем—то недовольны? — спросил Михаил Александрович прокурора.

— Мне не нравится, что я не приглашен на открытие выставки.

— Как? — воскликнул губернатор. — Разве я вас не назвал? Вы, разумеется, приглашены, как официальный гость... Наверное, я просто отвлекся на начальника охраны выставки... Ха—ха! А ваше присутствие обязательно, Сергей Васильевич.

Даниил Николаевич, сидящей на переднем сидении автомобиля, заметил, что при этих словах губернатор развеселился, а прокурор стал еще угрюмее. Секретарь, хоть и был почти наивным (впрочем, людям свойственно меняться), но понимал, что для Михаила Александровича это был способ уколоть своего косвенного врага, сыграв на его гордости.

— А вот и приехали, Сергей Васильевич! — радостно воскликнул губернатор, открывая дверь. — Ну, как вам павильоны?

— Мрачновато, — ответил прокурор, словно сам должен был со дня на день принять в себя множество гостей.

— Да что вы? По—моему, очень хорошо! Облицовка черным мрамором великолепно будет смотреться на фоне белой колоннады набережной.

— Исправить уже ничего нельзя, — заметил прокурор.

— Не исправить, а усовершенствовать! — радостно поправил губернатор. — Учитесь подбирать оптимистические синонимы к словам. В нашей профессии это просто необходимо.

— Вы правы, — согласился прокурор.

— Эх... — губернатор махнул рукой на прокурора. — Скучный вы человек... Даниил Николаевич, хватит смотреть мечтательно на теплоходы, в августе поедem на них по области. А теперь за мной, на проверку, к таджи... в смысле, к рабочим. Давайте, давайте.

Михаил Александрович со своим секретарем направились в павильоны, оставив прокурора на набережной. Понимая, что от него мало пользы в этом месте (Михаил Александрович и без прокурора смог бы указать на проблемы стройки), Сергей Васильевич уехал к себе.

Глава III

— Даниил Николаевич! — позвал губернатор секретаря, завязывая галстук—бабочку перед зеркалом в одной из жилых комнат администрации.

— Да? — вошел секретарь.

— Позвоните директору выставки и скажите ему, чтобы концерт был перед торжественным открытием, а после открытия что—нибудь продолжало тихонько играть фоном.

— А в чем дело? — спросил Даниил Николаевич.

— Герцогиня вынуждена задержаться, по причинам халатности департамента дорожного хозяйства, — ответил Михаил Александрович, продолжая мучиться с бабочкой. — Поэтому нужно чуть—чуть сдвинуть время открытия... Аллилуйя! Получилось! — с облегчением вскрикнул губернатор, завязав бабочку.

— А фуршет оставить после открытия?

— Да, но во время музыкальной части стоит разносить напитки. Это будет мною приветствоваться, впрочем, как и гостями.

— Сейчас сообщу, — сказал секретарь, выходя из кабинета. — Вы когда поедете?

— Уже собираюсь, — ответил губернатор, надевая красивый стильный смокинг. — А вы встретите герцогиню и ее «свиту».

— Хорошо, — немного недовольно проговорил секретарь и вышел из кабинета.

Михаил Александрович, в последний раз посмотрев в зеркало и найдя себя достаточно презентабельным для предстоящего вечера, запер свои личные комнаты и спустился на парковку, чтобы выбрать подходящий такому случаю автомобиль.

— Батюшки мои, Федор Васильевич! — наслаждаясь происходящим и заранее смеясь над руководителем Службы безопасности, театрально воскликнул Михаил Александрович. — Неужели вы нашли десять тысяч, чтобы посетить сие мероприятие?

— Я, как руководитель Службы безопасности, просто обязан... Присутствовать на этом вечере, — запинаясь отвечал Федор Васильевич.

— Да? И денег не заплатили?

— Н—нет...

— Печально, печально. Что ж, раз пришли, оставайтесь. Хоть за безопасность и отвечает Екатерина Алексеевна, с которой я вас просил меня познакомить, но вы видимо забываете о таких мелочах! — делая вид что сердится говорил Михаил Александрович.

— Да что вы! — испуганно воскликнул Федор Васильевич. — Вот она, стоит у входа. Видите? А я сейчас же займу место скромненькое...

— Вижу, вижу, — смотря на пропускной пункт ответил губернатор. — А вы идите, идите...

И еле слышно, не отвлекаясь от наблюдения, сказал:

— И жену не оставляйте, раз уж бесплатно провели.

— Ну я же для благой цели... — себе под нос отвечал расстроенный Федор Васильевич, удаляясь.

Михаил Александрович проводил его взглядом. Немно-

го понаблюдал за начальницей охраны. Поздоровался с малоизвестными ему бизнесменами, пришедшими на выставку со спутницами, состоящими в спорных отношениях. Поздоровался с прибывшим епископом, директором департамента образования, прокурором и поболтал с директором выставки. Когда губернатору надоело разговаривать со знакомыми людьми, он направился ко входу, где стояла начальница охраны.

— Императрица, мое почтение! — улыбаясь поздоровался Михаил Александрович с начальницей охраны.

— Простите? — не поняв юмора, спросила та.

— Ясно... — взгрустнув ответил губернатор. — Я говорю добрый вечер, Екатерина Алексеевна.

— А—а—а... — весело протянула «императрица». — Я просто не сразу поняла, Михаил Александрович, много людей проходит.

— Вообще—то не так и много. Думаю, вы сможете поболтать со мной, ваши подчиненные справятся.

— Очень на это надеюсь, — улыбнувшись ответила Екатерина Алексеевна.

— Ну и прекрасно. Пойдемте? Вашу руку.

Михаил Александрович и Екатерина Алексеевна прошли к барной стойке.

— Поболтаем? — предложил, продолжая улыбаться, Михаил Александрович.

— Михаил Александрович, о вас ходит мнение... Воз-

можно для вас очень лестное, но меня данные обстоятельства в совокупности со слухами немного напрягают, — откровенно, даже со смехом, сказала Екатерина.

— Тогда расслабьтесь, выпейте, и... не напрягайтесь! — поняв, на что намекает Екатерина, сказал губернатор.

— Михаил Александрович! После ваших слов, я сразу же успокоилась.

— Что за сарказм? — смеясь спросил губернатор. — Но признайтесь, императрица, вам стало интересно?

— Ну, возможно, — кокетливо ответила Екатерина Алексеевна. — Вы меня заинтересовали.

— Тогда на ты?

— На ты.

— В таком случае, Екатерина, с тобой мы встретимся после торжественного открытия, — сказал губернатор, кивая на вход. — Герцогиня приехала, сейчас начнем.

— Леди и джентльмены! — начал вступительную речь губернатор. — Я рад приветствовать всех вас на этом вечере, безусловно важном для нашего региона. Не собираюсь затягивать свои слова, поверьте, говорить я могу вечно, но сейчас скажу лишь одну вещь — благодарю всех вас за безвозмездный вклад в будущее бедных детей Центральной Африки. Добрые дела могут сделать много для нашего мира. Взаимопомощь поможет достичь мирового баланса. И прочее, прочее, прочее. Спасибо всем огромное от лица негр... аф-

риканских детей. Спасибо! — бурные аплодисменты послышались со всех концов площадки.

— А теперь попрошу герцогиню Кервинскую помочь мне перерезать ленточку. Герцогиня?

Герцогиня Кервинская подошла к губернатору с улыбкой, больше напоминающей оскал, и взяла золотые ножницы.

В этот самый момент послышался жуткий треск и все прижались друг к другу — машина, стоявшая рядом с площадкой, взорвалась. Послышались крики спутниц бизнесменов. Сотрудники Службы безопасности быстро начали уводить всех присутствующих. Герцогиня, ее переводчица и хозяин машины, ее племянник, в сопровождении сотрудника МИД, Максима Дмитриевича, уехали в безопасное место.

Губернатор остался на месте, несмотря на убедительные уговоры охраны.

Все произошло еще быстрее и слаженнее, чем это можно описать. И через час все официальные лица Лимска, присутствующие на выставке, сидели в кабинете губернатора.

— Печально, да? — спросил губернатор у гостей, которые попивали глинтвейн.

— Ужасно... — сказал директор выставки.

— Трагично... — проронила директор департамента образования.

— Вот же *****! — почему—то по—русски воскликнула герцогиня.

В кабинет вошла Екатерина Алексеевна, взяв чашку

глинтвейна и выпив ее залпом, сказала:

— Две плохие новости.

— Какие? — спросил прокурор.

— Первая, рядом с выставкой, в реке найдена выпускница вашего, Марина Васильевна, триста восьмого лица, убитая.

— Господи! — всхлипнула руководитель департамента образования.

— А вторая? — спросил прямолинейно секретарь Михаила Александровича, в таких обстоятельствах обычно проявляющий такт.

— Тут тоже ужасная новость... Герцогиня, ваше ожерелье украдено, и довольно грубым способом, — на одном дыхании проговорила Екатерина Алексеевна.

— Фи... Как предсказуемо, — тихо фыркнул Михаил Александрович, смилившийся с произошедшим и просто думающий, как выкрутиться из этой ситуации.

— Итак, давайте рассуждать логически, — предложил губернатор, оставшимся у себя в кабинете епископу, прокурору и Екатерине, — Некто совершил теракт... Кстати, жертв нет? Ну, и слава Богу... Так вот, группа лиц, или один человек, совершил теракт, после этого, воспользовавшись суматохой, смогли, или смог, украсть ожерелье. Убийство рассмотрим потом. Давайте установим, кто же...

— Михаил Александрович, я понимаю, что вы тоскуете по практике, но это не совсем ваша обязанность, — непри-

вычно оживленно перебил прокурор.

— Сергей Васильевич, — ничуть не обидевшись, или только сделав вид, ответил Божесов. — Если я не ошибаюсь, ничто, а тем более никто, мне не запретит в *моем* кабинете обсуждать вопросы, связанные с безопасностью *моей* области. Поэтому, сделайте одолжение, дайте закончить мою, не менее профессиональную чем вашу, мысль. Позволите?

— Да, пожалуйста, — обычным своим голосом согласился Смолов.

— Спасибо большое... Итак, давайте установим подозреваемых в этом деле. Не тех, кто мог, а тех, кому надо. Начнем с абсурдного, сама герцогиня.

— А зачем ей это? — спросила Екатерина Алексеевна, находившаяся под сильным впечатлением от короткой ссоры между прокурором и губернатором.

— Ну, ожерелье принадлежит семье, а не ей лично, вполне возможно, что у нее возникли какие—то трудности, финансовые, например... И представился хороший случай, — высказался Михаил Александрович довольно опрометчивую мысль для детектива. — Но с другой стороны, это мог сделать племянник герцогини, по этим же причинам, что гораздо более вероятно, тем более, что взорвавшаяся машина принадлежит ему...

— Михаил Александрович, — обратился секретарь губернатора, немного взволновано, — Вам звонят и... думаю, вам будет нужно ответить как можно быстрее.

— Прошу прощения, — ласково обратился к присутствующим губернатор. — Никому не расходиться!

Пройдя в одну из своих комнат, Михаил Александрович поднял трубку.

— Слушаю?

— Михаил Александрович, — послышался *голос*, который так любят пародировать в нашем скучном мире, когда смеются над политиками. — Добрый день.

— Вообще—то вечер, — без всякого трепета перед *голосом* поправил губернатор.

— Я просто сейчас в Японии, тут уже день, — тоже без всякого сомнения ответил *он*. — Даже здесь я услышал о вашем происшествии. Надеюсь, жертв нет?

— Если это был теракт, то он прошел неудачно.

— Вот и славно... Еще мне доложили, что у герцогини Кервинской было украдено изумрудное ожерелье. Я настоятельно вас прошу, проведите самое тщательное расследование, как можно в более сжатые сроки, при этом без скандалов. Если потребуется, к вам приедут профи из Москвы... Но лучше вам справиться самому, в конце концов министерство юстиции имеет многих кандидатов в свои руководители. И они в международных скандалах не замешаны... Надеюсь, вы меня поняли?

— Я тоже надеюсь, — ответил губернатор, а собеседник положил трубку.

— Ну что ж, — потянулся Божесов. — Это шанс!

Глава IV

— Дети мои! — воскликнул Михаил Александрович, врываясь в кабинет в прекрасном расположении духа. — Отбросим вражду. Давайте и правда заниматься каждый своим делом! Сергей Васильевич, — обратился губернатор к прокурору, — прошу прощения, разумеется думать обо всем произошедшем я должен меньше всех, — с улыбкой сказал губернатор, — Поэтому доверяю вам расследование сего дела, — говорил и говорил Божесов, обхватив прокурора за плечо и потихоньку выводя его из кабинета. — Так что, работайте! Родина вас не забудет!

— И... — начал о чем-то прокурор.

— Докладывать мне! Мне, конечно! До свидания!

В кабинете остались епископ, Екатерина Алексеевна и секретарь, впрочем, все очень удивленные поведением губернатора.

— Я пойду? — первой спросила Екатерина Алексеевна.

— Конечно, конечно. Не смею вас задерживать! Хотя стойте! И для вас у меня так же есть поручение! — остановил ее губернатор уже в дверях.

— Да?

— Вы придете завтра ко мне, в этот самый кабинет, и мы с вами поговорим о сложившейся ситуации. Поняли?

— Хорошо, — ответила Екатерина Алексеевна и вышла.

— Что ж, — уже с меньшими эмоциями сказал Божесов.

— Даниил Николаевич, вы можете оставить нас с епископом?

Секретарь удалился.

— Михаил Александрович, неужели и ко мне у вас будет просьба? — хитро щурясь спросил епископ.

— А ты не смейся, — дружески ответил губернатор. — Ты мне будешь очень полезен.

— И чем же? — с широкой улыбкой спросил епископ.

— Ты ведь всегда хотел заняться следствием?

— Ну, были желания.

— Вот тебе и предоставляется такая возможность. Я доверяю тебе, независимо от официальных действий, провести свое расследование убийства выпускницы и, разумеется, сообщить все лично мне. Так что давай. Я в тебя верю. Через два дня жду в этом кабинете.

— Я польщен таким предложением, но неужели ты считаешь меня достойным вести такое важное дело?

— Ну, не надо, не надо! Не скромничай! Я уверен в тебе, к тому же, ты вряд ли навредишь официальному следствию.

— Тогда я пойду? Час поздний, пора уже спать.

— Да, иди. Не задерживаю. Пока.

Стоило епископу покинуть кабинет, как тут же ворвался Даниил Николаевич.

— Михаил Александрович, что же такого сказал *он*, что вы так сильно поменяли свое поведение?

— Меня сильно обрадовали, Даня! Сильно обрадовали! Благодаря такому делу, я смогу стать министром уже очень, очень скоро!

— Да разве это так делается? — наивно спросил секретарь.

— Все в нашей жизни, тем более в жизни государственных служащих, лишь чередой удачных обстоятельств. А те, кто могут эти обстоятельства разглядеть, да еще и воспользоваться ими... О, эти люди достигают огромных высот! — ответил губернатор с непривычной ему в разговоре с секретарем философией.

— Надеюсь, вы правы.

— А я верю, что я прав! Верю! — романтично воскликнул губернатор, смотря в огромное окно на ночной город. — Ну, об этом позже. Ты свободен, Даня. До завтра. Много работы ждет нас впереди!

— До завтра, Михаил Александрович.

— У себя? — ласково улыбаясь, спросила Екатерина Алексеевна секретаря губернатора, сидящего в приемной за своим столом.

— У него ваш начальник, — хмуро ответил Даниил Николаевич, не отрываясь от работы.

— В таком случае, я подожду здесь, — игриво сказала Екатерина Алексеевна, садясь в кресло.

Даниил Николаевич, находясь в дурном расположении ду-

ха, делал что—то с бумагами.

— Какой он? — вдруг спросила Екатерина Алексеевна.

Несмотря на задумчивость и хмурость, секретарь растерялся:

— Кто?

— Божесов! — со смехом ответила Екатерина.

— В смысле? — все еще не понимая спросил секретарь.

— Проще говоря, что вы о нем думаете? О его внешнем виде, поведении, манерах, уме?

— Это сложный вопрос, Екатерина А...

— Просто Катя.

— Сложный вопрос, Катя. С Михаилом Александровичем мы знакомы лет шесть, но работаю лично с ним лишь восемь месяцев. И должен сказать, что я поменял о нем мнение уже через два дня.

— И как же?

— Будучи мелким сотрудником прокуратуры, я, как и мои коллеги, ставили Михаила Александровича себе даже не в пример, а делали из него кумира! Он казался нам веселым, живым, успешным, независимым от чьего—то покровительства, даже отчаянным, ведь он иногда, как нам рассказывали, принимал участие во многих задержаниях и просто ночных рейдах полиции! А его слабость к женскому полу и успехи на этом поприще, тоже обростали легендами в кругу молодых юристов и это делало Михаила Александровича просто всеобщим героем.

— Как—то это очень романтично звучит из ваших уст. Похоже, он и остался для вас героем?

— Ну, не совсем... После того, как я стал его секретарем, мнение изменилось. Я узнал много нового, при этом, старое было совершенно верно, но к нему добавились и другие качества... Я узнал, что он безумный эгоист, считает себя центром этого мира, что вокруг него должны вращаться все. Более того, то ли случайно, то ли действительно так, но вокруг него все вращается, все свои цели он достигает, лишь подумав о них! Это, разумеется, утрировано, но суть примерно такая... От этого себялюбия может сложиться впечатление, что он обходится без всех, но нет! Нет, Михаил Александрович любит общество, он живет для него, стремясь, как он сам иногда выражался, «взрастить людей подобных себе»! Михаил Александрович, действительно сложная личность, невозможно понять, что он сделает через минуту. Может быть, засмеется от ваших слов, может быть, посочувствует вам, но никогда он не выкинет вас в окно или не бросится в него сам, если можно так сказать. В нем есть моральные, свои, но моральные, принципы.

— Вау, — протянула ошеломленная такой характеристикой Екатерина. — Признайтесь честно, вы готовились к этому?

— Да, когда—то я анализировал личность Михаила Александровича, ну вот и пригодилось...

— Bravo! Bravo, Юра! — послышался голос Божесова из

селектора. — А теперь впусти Екатерину ко мне в кабинет, а сам иди провожать Федора Васильевича до обеда. Спасибо.

— Так значит вы подслушивали? — спросила Екатерина Алексеевна после того, как Федор Васильевич покинул кабинет губернатора.

— Вместе с вашим начальником, — улыбаясь ответил Михаил Александрович.

— И как вам?

— Для начала, вспомним про то, что мы договорились обращаться на «ты».

— Конечно, Михаил.

— Ну, прекрасно! К несчастью, слова моего секретаря сильно навредили моим идеям.

— Это как же? — с удивлением спросила Екатерина.

— Очень просто! Кроме всего прочего, что рассказал обо мне Даниил Николаевич, я очень люблю театральность. И вот представь, я зову тебя на прием, чтобы сделать предложение, о котором после, а мой секретарь можно сказать обосновывает тебе психологические причины моего предложения.

— Ничего не поняла, — призналась с улыбкой Екатерина.

— Это бывает, меня часто не понимают... Но я попытаюсь объяснить, но не гарантирую, что от этого станет легче. Короче, в городе проблемы. Это тебе точно ясно, тем более что ты должна написать массу отчетов.

— Да, разумеется, — улыбнулась Екатерина.

— И вот, решение этих проблем сможет мне очень сильно помочь в дальнейшей карьере.

— Я знаю, ходят слухи...

— Тем более! — рассмеялся Михаил Александрович. — Возможно, глупо решаться откровенничать с сотрудником Службы Безопасности, но в моих словах не должно быть чего—нибудь противозаконного.

— Так что же ты хотел мне предложить? — с нетерпением прервала Екатерина.

— Сотрудничество, — кратко ответил губернатор.

— То есть?

— Видишь ли, гм... Я немного стеснен в своих действиях, поэтому мне требуется чья—то помощь.

— Моя?

— Угу.

— Так. И что же?

— Ты сейчас думаешь либо о чем—то неприличном, либо о чем—то сильно профессиональном, — снова рассмеялся Михаил Александрович, заметив напряжение собеседницы.

— Признаться, всякие мысли лезут в голову, — все еще напряженно ответил Екатерина.

— Тем не менее, как бы мне не хотелось чего—то неприличного, я дал сам себя слово о подобных вещах не думать.

— И из—за чего? — немного успокоившись спросила Екатерина.

— А вот из—за чего — это и будет темой разговора.

— Кажется поняла, ты хочешь использовать меня как своего психолога? — улыбнулась наконец Екатерина.

— Угадала! — восторженно, впрочем, фальшиво, воскликнул губернатор. — Мне нужно кому—то открывать свою душу, время от времени. С моей работой, увы, много нагрузок, а говорить открыто — нет, наверное, «юридической» свободы.

— Можно вопрос?

— Валяй!

— Даже два. Почему я? И как это поможет делу об ожерелье?

— Отвечу с конца, — весело начал Михаил Александрович. — Наш разговор поможет делу, во—первых, потому что я эмоционально разгрузусь, во—вторых, потому что я дам тебе небольшое задание, и, в—третьих, когда я с кем-нибудь говорю, в мою голову приходят самые правильные мысли. Так что, разговор поможет делу, уверен.

Михаил Александрович радостно прокрутился в своем кресле.

— А почему именно «ты»? Видишь ли, хотя тебе это известно, я со школы питал слабость к женщинам, они были моими друзьями (я не буду раскрывать смысл этого утверждения, он слишком личный, но совершенно приличный) и с ними я говорил о многом, тем самым, как бы «питаюсь» их энергией. Впрочем, так слишком жутко... Проще говоря, в разговорах с ними «в мою голову приходят самые правиль-

НЫЕ МЫСЛИ».

— Допустим, — заинтересованно кивнула Екатерина.

— За мою жизнь можно вспомнить подобные случаи, я обманул достаточно девушек, не совсем обычным для нашего мира образом (все равно не буду рассказывать каким, но скажу, что там было много психологии). Я буквально радовался их неоправданным надеждам, но вот однажды, совсем недавно, меня не то чтобы обманули в ответ, в этом есть что — то клишированное, меня просто пробили непохожестью на остальных... Это было год назад... — Михаил Александрович осекся. — Может быть я опять непонятно выражаюсь?

— Я примерно понимаю, о чем ты тут говоришь, — серьезно ответила Екатерина, — У тебя перевернулось мироощущение.

— Гм... Возможно, я тоже об этом думал, — глухо произнес губернатор. — Она была необычной, во всяком случае для меня. Хотя... — проговорил он уже обычным своим голосом. — Наверное, она была для всех *необычной*.

— Думаю, я знаю о ком ты.

— И о ком же? — с трепетом (столь непривычным для себя) спросил губернатор.

— Год назад, когда меня здесь еще не было, в область приехала представительница одной крупной компании... Она уехала из города ни с чем, видимо, напуганная теми убийствами. Не помню, как ее звали... То ли Мэри, то ли Ва-

лерй...

— Ее звали Мари, — прервал Божесов, впрочем, без эмоций.

— Да! Точно, Мари, — как бы дразнясь ответил Екатерина.

— Вот зря ты так, Катя, я ведь сейчас начну плакаться, — усмехнулся Михаил Александрович.

— Как? А разве есть повод?

— Да... Понимаешь, Мари сначала произвела на меня впечатление исключительно обычное, но потом... Потом, под тяжестью дружеского мнения, Мари стала вырисовываться передо мной совсем иначе. Я даже был близок к тому, чтобы начать с ней не свою «обычную» дружбу, а построить что-то для себя новое... Но, увы, время ее пребывания в городе завершилось, да тут еще эти убийства, работа, митинги... Словом, у меня совсем не было времени, чтобы насладиться ее обществом.

— Ого! — воскликнула Екатерина. — Да ты романтик!

— Да, но только по будням, — радуясь, что может уйти с такой опасной темы, подхватил Михаил Александрович. — Романтизм во мне живет... Бывают моменты, когда мне хочется взять все свое и поехать! Поехать далеко! В Париж! В Рим! В Лондон! Посмотреть на жизнь тех людей... Посетить Лувр, увидеть Триумфальную арку, Нотр—Дам де Пари! Или Колизей, Ватикан, Замок Святого Ангела... Или Вестминстерское Аббатство, Букингемский дворец, Башню

Елизаветы... Почувствовать дух Парижа, города влюбленных, пройтись по Риму, вечному городу, ощутить сырость, дождь, туман Лондона... Как—то мало романтики! Что есть еще в этих прекрасных городах Европы, Катя?

— Арабы, — сдержанно улыбнулась та.

— Да... Это уж совсем приземленно... — стал сбавлять в себе театральность Михаил Александрович, чувствуя, что смог увести разговор далеко от Мари. — Арабы, конечно, слишком узко сказано, но мигранты — это проблема современной Европы. Если она не разберется с ней, то от Парижа останется Сена, от Рима Тибр, от Лондона Темза... Печально. Однако я опять возвращаюсь к своей работе, хоть и очень косвенно... Думаю, это знак. Нам пора прощаться Екатерина, рад, что ты будешь мне помогать, возможно сама этого не замечая. У меня появились кое—какие идеи, поэтому большое спасибо! До встречи.

— Ты мне хотел дать какое—то задание?

— Ах да! — сделав вид, что неожиданно вспомнил, ответил губернатор. — Возьми сегодня вечером неприметную, проверенную машину и жди меня в семь вечера здесь. Отвезешь меня туда, куда скажу...

— Хорошо, — таинственно ответила Екатерина и вышла из кабинета.

Глава V

— Я думала над тем, что ты мне говорил, — издалека начала Екатерина Алексеевна, забрав губернатора, как было договорено.

— Напрасно, — отрезал тот.

— Вроде бы ты обратился ко мне, как к психологу? — иронично заметила Екатерина.

— Тоже верно, — ответил губернатор, заранее напрягаясь от предстоящей темы разговора, но надеясь, что до места назначения они доберутся быстрее.

— Твои чувства к Мари... Вполне объяснимы.

— И как же? — с напряженным интересом спросил Михаил Александрович.

— Сопоставив твою манеру поведения и описанные тобой «показания» я сделала вывод, что Мари просто оказалась в нужном месте, в нужное время.

— Bravo...

— Да ну тебя! — впрочем весело ответила Екатерина. — Я хотела только помочь тебе, чем смогла бы...

— Мне помощь не нужна! Я не хочу забывать... Мне нравится это чувство, оно даже является дополнительным мотиватором в моей жизни! — упоительно отвечал Михаил Александрович. — Впрочем, я готов выслушать советы.

— Для начала ответь на вопрос, — как бы снова нача-

ла Екатерина. — Как ты расцениваешь свои чувства. Как Гэтсби к Дейзи или как Мастер к Маргарите?

— Как Шатов к своей Марии, — довольно нагло ответил губернатор, будто и не обратил внимание на этот выпад, призванные составить о Екатерине хорошее мнение.

— Это из «Бесов»? — растерянно спросила она.

— Да, ты образованная *mademoiselle*, — удивился губернатор, нащупав тропу для смены темы разговора. — И Фицджеральда знаешь, и Булгакова, и Достоевского... И с чего ты решила сопоставлять меня с такими фальшивыми, наивными чувствами?

— В чем же заключается фальшивость? — вспыхнув, спросила Екатерина.

— А тебе очень хочется об этом поговорить? — поддразнивал губернатор, уходя от главной темы.

— Ну, пока мы едем, думаю, можно поговорить и о литературе!

— Да ты что! — отчеканил слова Божесов. — Ну, давай поговорим! Начнем с «Великого Гэтсби». Что думаешь? В чем смысл?

— На мой взгляд в романе рассказывается об абсурдности американской мечты, — оживленно начала Екатерина. — Но «лейтмотивом» произведения является стремление пойти на все ради любви, добиваться высот, чтобы завладеть необходимым...

— Романтичненько... — прервал губернатор. — Кстати,

ты сама сказала, почему сопоставление моих чувств с чувствами Гэтсби неточное. Я не готов добиваться любви, мне достаточно и дружбы... Тем более любовь в этом романе не так идеальна. Кто такой Гэтсби? По большому счету человек, поставивший перед собой неправильный ориентир. Любовь к Дейзи совершенно ненормальна. Разница в социальном положении — это малая проблема любви. Дейзи и в жизни является наивной, скучной, даже заурядной и ограниченной личностью. Сказать проще — она избалованная и просто глупая девушка. И не смотри на меня так. Целью автора и являлось показать абсурдность любви, где один делает все возможное, а другая воспринимает это как развлечение. Скажу больше: Дейзи предала любовь. И это точно так. Ее просто не за что уважать... А, все—таки возвращаясь к твоей теме, мои чувства рядом не стоят с чувствами Гэтсби. Для меня Мари вовсе не Дейзи... Мне даже было бы неприятно так думать.

— А кто? Маргарита? — заинтересованно спросила Екатерина.

— Нет, и не Маргарита, — ответил Михаил Александрович, понимая, что разговор уже начался и теперь есть шанс только плавно его завершить, не касаясь определенных подробностей. — Вообще в «Мастере и Маргарите» любовь сильно расходится с любовью американцев. В этой паре *Маргарита* идет на жертвы ради любви (впрочем, скорее ради страсти, любовь ее мало интересует), а Мастер показан че-

ловеком, погруженным в свое творчество. И по мне, Мастер достаточно пресный, хотя многие скажут, что «его мысли вне действительности, он философ и гений, которых свет не видывал».

— Что—то все твои рассуждения циничны. Даже не то слово... Твои рассуждения наивны!

— Возможно, что так. Но от этого они не перестают быть моими. Верно? — на лице губернатора появилась улыбка.

— Вероятно, — нехотя согласилась Екатерина.

— Давай поставим точку в разговоре, и я расскажу о «Бесах». Вне всякого сомнения, основная тема романа не любовь, а любовная линия лишь обслуживает основной сюжет. Какой? Повод для другого разговора. Но мы с тобой люди простые, поэтому говорим о любви. По—моему, любовь Ивана Шатова самая интересная. Он любит и не задумывается об «общественном» мнении. Шатов простил свою жену, и даже принял чужого ребенка, а неверная супруга не устояла перед всепрощающей душой русского, верующего человека и прониклась взаимным чувством. Здесь даже можно сказать, что этим раскрываются многие философские мысли романа, становится понятно, что революция нужна, как интересное действие, а не как инструмент достижения благородной цели. Революция не нужна, если простые люди живут вполне счастливо. В таком случае все наладится мирным путем, если вообще должно налаживаться... — закончил Михаил Александрович.

— Глубоко, — после короткой паузы сказала Екатерина.

— Не более, чем пустая демагогия. Я изменю свое мнение в следующем же разговоре... Я ветренный и непостоянный. Такую манеру можно увидеть во всех моих мыслях. Мои слова — сплошное противоречие. И в этом я. Для меня цель оправдывает средства.

— По—моему, такой образ мыслей вреден для губернатора...

— Ничуть. Мысли они всегда только мысли. В моей работе главное действие. А с этим я справляюсь достаточно хорошо. И непостоянные мысли только привлекают ко мне внимание общественности, что тоже крайне важно. Таким образом я баланс идеального политика — делаю что-то конкретное и привлекаю внимание. А теперь, Екатерина, поворачивай направо — это лучшее место для решения моих задач.

Место и правда было выбрано прекрасно. Терраса большого, даже старинного, дома, откуда открывался прекрасный вид на выставку, сияющую огнями в вечернем, летнем небе. Неизвестно почему Михаил Александрович выбрал именно такое место для своих дел, но Екатерина его сопровождала от машины и до террасы.

— Все—таки эти события сделали выставку очень популярной, — сказала Екатерина, обратив внимание на набережную в огнях.

— Да, популярность выставки превзошла все ожидания.

Прибыль уже составила семь миллионов, что уже окупило половину затрат.

— Приятно слышать, что есть что—то хорошее в произошедшем, — улыбнулась Екатерина.

— Фу, как безнравственно! — к удивлению спутницы фыркнул Божесов. — Выставка выставкой, а убийства и кражу никто не отменял.

— Да, конечно, — спокойно согласилась Екатерина.

— Ладно, спасибо что довезла. И спасибо за разговор. Увидимся как—нибудь... Пока, — губернатор дружески улыбнулся и пожал Екатерине руку.

Она весело ответила что-то и покинула крышу. Возвращалась домой она в небольшой задумчивости...

Михаил Александрович же провел эту ночь в обществе неба, себя и города. От чего получил большой заряд активности и смог спокойно подумать обо всем в своей жизни, успев за ночь вновь упорядочить ее ритм и собственные дела.

Глава VI

На следующий день Михаил Александрович сидел в кабинете, в своем кресле, отвернувшись от дверей и наблюдая за течением реки через большое окно. Тихо в кабинет вошел секретарь.

— Михаил Александрович, в приемной прокурор Смоллов. Он готов рассказать о расследование.

— Да? Хорошо,пусти его.

Через минуту прокурор предстал перед Божесовым, которому выражение лица прокурора показалось слишком радостным, но увидев в его руках тонкую папку, губернатор понял, что Сергей Васильевич ничего существенного обнаружить не смог.

— Вы торжествуете, — заметил губернатор, с твердым намерением выпустить своего преемника совершенно в другом настроении. — Неужели оказалось, что я устроил похищение?

— И вам доброе утро, Михаил Александрович, — не обращая внимания на слова губернатора, ответил прокурор. — Я все сейчас очень подробно расскажу!

— Да вы меня интригуете, — иронично сказал Михаил Александрович, — В таком случае, присаживайтесь. Чай, кофе?

— Чай.

— Зеленый, черный, «Принцесса Нури», индийский, китайский, «Принцесса Гита», ромашковый, тимьяновый, со смородиной, с мятой, «Беседа»?

— Давайте зеленый, с мятой, — постепенно теряя радость на лице, прервал прокурор поток слов губернатора.

— Сию минуту, — заметив возвращение обычного состояния прокурора, сказал губернатор. — Даниил Николаевич, пожалуйста «Майский» для Сергея Васильевича с мятой, для меня с лимоном.

Через тридцать секунд на столе стояли две чашки, описать содержимое одной из которых не хватило бы талантов самых выдающихся химиков.

— Сергей Васильевич, теперь можете рассказывать.

Прокурор все—таки смог преодолеть искушение, начал говорить:

— Я поехал на выставку сразу после нашего разговора. Там, после тщательного осмотра обломков машины, которые не так важны для дела, я направился в главный павильон, где должно было храниться ожерелье. И в павильоне, после не менее тщательного осмотра, пришел к выводу, что ожерелье было украдено без взлома, совершенно!

Прокурор сделал долгую, театральную паузу, однако, больше похожую на то, что актер забыл свои слова. При этом на его лице вновь засияло торжество.

— Вы чай—то пейте, — еле удерживаясь от смеха предложил губернатор. — Или хотите удивить меня тем, что в Лимске прокурор лично осматривает место преступления? Ха-ха!

Смолов опять потерял всякую радость. Михаил Александрович же спросил его:

— Вы говорите, взлома не было? То есть павильон был открыт чьими—то ключами, которых целых пять экземпляров. Если я не ошибаюсь, в павильон можно войти, имею в виду свободно, четырьмя путями. Чай пейте, пейте... Это главный вход, где стояли мы и гости; первый запасной выход,

выходящий прямо к нам; второй запасной выход, ведущий к реке; и большое, открывающееся окно, тоже ведущее к реке. Два первых мы исключаем. Значит...

— Михаил Александрович, — оправившись от вкуса чая, перебил прокурор, — может все—таки я буду рассказывать?

— Пожалуйста, пожалуйста, я просто для себя хотел прояснить... Продолжайте.

— Вы правильно сказали, что можно было проникнуть только двумя путями, но вот вскрыть витрину с ожерельем, которая защищена сложной механической и компьютерной системой... Это слишком сложно и без сообщника не обойтись...

— Давайте по фактам.

— Да, конечно. В общем, после осмотра павильона я составил список людей, которые могли открыть, а после закрыть запасной выход или окно. Это могли быть: герцогиня; ее переводчица; племянник; наш дипломат; ваш секретарь; Екатерина Алексеевна; епископ, прости Господи; я; вы; Марина Васильевна и, конечно же, директор выставки. Не смотрите на меня таким взглядом, я просто сказал, кто *мог бы* открыть двери. Дальше я подумал, кто мог вскрыть витрину, точнее кто мог иметь коды безопасности и ключи. Это: Екатерина Алексеевна; ваш секретарь; племянник герцогини; директор выставки; вы.

— Да я прямо вселенское зло! — изумленно произнес Михаил Александрович.

— Извините меня еще раз, — с нескрываемой радостью в голосе ответил прокурор. — Дальше я подумал, кто мог заминировать машину племянника...

— Вы все думаете и думаете!

— Это моя работа, — учтиво, но язвительно заметил прокурор. — Машину могли заминировать: Екатерина Алексеевна; дипломат; ваш секретарь; племянник. И наконец, я подумал о том, кому похищение ожерелья выгодно...

— Думаю, это выгодно всем...

— Я имею в виду тех, кого назвал, Михаил Александрович, — снова учтиво сказал прокурор. — Выгодно совершить кражу мог племянник, который имел долги в банках Европы и нескольких казино. Я допросил его...

— Вы допросили племянника герцогини?! — отчеканив каждое слово, гневно крикнул губернатор.

— Ну... Не совсем допросил... Скорее поговорил, — начал оправдываться прокурор. — И от него как раз и...

— Спасибо вам! Дорогой Сергей Васильевич! — в негодовании вскричал губернатор. — Можете оставить свои бумаги, я их разберу! Из ваших слов я не извлек ничего, кроме безграничной паранойи! До свидания, надеюсь встретимся, но не скоро! И чай заберите! Даниил Николаевич, ваш главный подозреваемый, с удовольствием даст вам еще много—много порций! Ciao!

Прокурор, испытывая смешанные чувства и не понимая собственно, за что Божесов так закричал на него, покинул

кабинет губернатора. С одной стороны, он был рад тому, что вывел Михаила Александровича из себя. С другой, был раздосадован тем, что его выгнали. С третьей стороны, прокурору очень не хотелось брать пакеты чая, которые протягивал ему Даниил Николаевич с учтивой ухмылкой.

— Михаил Александрович, к вам епископ Лимский. Вы готовы его принять, или перенести встречу? — с участием спросил Даниил Николаевич.

Губернатор только утвердительно кивнул. Но когда епископ вошел в кабинет, Михаил Александрович встретил его как ни в чем не бывало.

— Добрый день, Ваше преосвященство, — улыбнулся Михаил Александрович. — Время обеденное, может быть чего—нибудь перекусим?

— Я не против, давай.

— Мясо, рыбу? Суп, салат? Сало, хлеб? Канапе, икру? Шампанское, коньяк? Вино, елей? — снова отчеканил губернатор.

— Давай какой—нибудь салатик из морепродуктов, сыр и белое вино, — улыбнувшись, ответил епископ.

— *Uno momento!* Даниил Николаевич, найдите, не знаю где, салат из морепродуктов, мягкий сыр, не знаю... «Камамбер», например, и вино... Белое, «Совиньон Блан». А для меня глинтвейн и пряники. Спасибо.

Даниил Николаевич проявил сноровку, и очень быстро,

всего за шесть минут смог организовать заказанный стол.

— Теперь мы можем начать? — осведомился епископ, наполнив бокал.

— А можешь, для начала, напомнить зачем ты пришел? — виновато осведомился Михаил Александрович.

— Как же! Ты сам мне поручил заняться убийством выпускницы и вот, я пришел с «докладом», — самодовольно произнес епископ с довольным лицом.

— Да, точно. Совсем забыл... Прокурор своим визитом сильно разочаровал меня... Но ладно, не об этом... Говори, что смог узнать?

— Убитую звали Анастасия Миронина. Ученица 308 лица. Я сделал вывод, что это было непреднамеренное убийство.

— То есть?

— Жертву просто оглушили, а в реке она оказалась случайно...

— Это как так?

— Не знаю, но все указывает на то, что это был несчастный случай. Оглушили ее, предполагаю, тоже случайно. Официальное следствие придерживается того же мнения, — при последних словах епископ достал папку и положил ее на стол.

— Прокурор мне рассказал больше, — ухмыльнулся Михаил Александрович. — Ну ладно, он и ел меньше. Я еще посмотрю что к чему, а тебе спасибо большое за такой вклад

в общее дело. Приходи завтра к шести вечера, мы все соберемся провожать герцогиню и, на сколько возможно, утешать ее.

— Хорошо, до завтра, — спокойно ответил епископ и, пританцовывая, вышел из кабинета, оставив губернатора наедине со своими мыслями.

Глава VII

В три часа того же дня Михаил Александрович один поехал в отель, где остановилась герцогиня. После обмена колкими любезностями с сотрудниками отеля, не узнавшими в Михаиле Александровиче губернатора и стремившимися сохранить покой высокой гостьи, не допуская в отель любого неизвестного, губернатору все же удалось пройти до лифта, в котором он, с переменным успехом, добрался до этажа, занимаемого герцогиней.

Испытывая только радость от недавнего спора с сотрудниками, Михаил Александрович без малейших колебаний быстро открыл дверь в номер герцогини.

— Добрый день, Ваша светлость, — не обращая внимания на недоумение «светлости» и ее переводчицы, произнес Божесов. — Как ваши дела?

Переводчица первая очнулась после входа губернатора и перешла к исполнению своих прямых обязанностей.

— Господин губернатор, — обратилась через переводчи-

ду герцогиня, — Ваш визит носит какие—то определенные цели?

— Нет, просто пришел поздороваться, — спокойно сказал Михаил Александрович.

— Мы рады приветствовать Вас, — услужливо произнесла переводчица.

— Вы не поняли, — улыбнулся губернатор. — Это специфический русский юмор.

Герцогиня ехидно сморщилась, принимая шутку.

— На самом деле я пришел поговорить об ожерелье...

— Ваш прокурор уже расспросил нас о всех подробностях... И это было довольно грубо...

— Я приношу свои извинения за поведение *моего* прокурора, но в его оправдание скажу, что он не привык общаться с истинными аристократами.

— Мы принимаем извинения и готовы ответить на все Ваши вопросы.

— У меня только один.

— Пожалуйста...

— В день открытия выставки вы прибыли с опозданием.

По какой конкретно причине?

— Если мы не ошибаемся, то на дороге произошел какой—то несчастный случай с черным мерседесом, но, к сожалению, мы не знаем подробностей.

— Все равно огромное вам спасибо, — поспешил раскланяться губернатор, жалея о потерянном времени.

Выходя из номера, он столкнулся с сотрудником МИД, который сопровождал герцогиню.

— Михаил Александрович, добрый день, — поздоровался тот.

— Вот вы-то мне и нужны!

— Я к вашим услугам, — скромно произнес Максим Дмитриевич.

— Вы помните, почему герцогиня опоздала?

— Да, конечно. На дороге произошла авария, и движение остановилось. Если я не ошибаюсь, такая же машина у прокурора Лимска... Но я ехал в машине племянника герцогини, поэтому, может быть, ошибаюсь... Надеюсь, я вам помог?

— Вполне. Спасибо, Максим Дмитриевич. Кстати, приходите завтра к шести в приемную администрации, вместе с герцогиней, племянником и переводчицей.

— С удовольствием, до завтра.

— Угу...

На этом разговоре череда неожиданных встреч не прекратилась. Уже на выходе из отеля Михаилу Александровичу повстречался племянник герцогини.

— Доброго времени суток, Рафаэль, — неожиданно для Рафаэля остановил его Божесов. — Нам с вами доводилось встречаться, но мы не были знакомы. Я губернатор этой области, Михаил... А вы племянник герцогини Кервинской,

как я уже говорил, Рафаэль. И, по—моему, вы говорите по—русски, не так ли?

— Совершенно верно, правда мне больше нравится, когда меня называют князь Рафаэль, — сухо ответил князь, подтверждая свое знание русского.

— Какое прекрасное знание нашего скромного языка, — притворно восхищался губернатор. — Откуда такие навыки?

— У меня был хороший учитель, — все так же сухо отвечал князь. — Я его нанял для общения с одной девушкой, впрочем, это неважно. Все было зря, — в последних словах слышалось меньше сухости и больше тоски.

— Вам тяжело об этом говорить? — поинтересовался губернатор с участием.

— Вам какое дело? — опасливо спросил Рафаэль.

— Я дипломированный психолог, и очень отзывчивый и понимающий человек, — соврал (а может быть нет) Михаил Александрович. — И вообще, мне иногда кажется, что я мог бы быть священником.

— Правда?

— Разумеется! Давайте мы с вами побеседуем, где—нибудь в тихом месте.

— Вы, Михаил, хороший человек, — через полчаса, доверительным тоном сказал князь. — У нас принято считать, что русские чиновники не умеют говорить и постоянно воюют!

— Предполагаю, что такие есть даже у вас, Рафаэль.

— Тут вы правы, — засмеялся князь.

— Рафаэль, я рассказал вам свою историю несчастной трагичной любви, ради которой не пошел ни на какие жертвы, хотя мог бы и должен был пойти. Вы же мне явили достойный пример... Правда, вы моложе меня, но ради своих чувств вы выучили такой сложный язык, как русский. И все-таки ради кого вы все это сделали?

— В первую очередь, это не пригодилось мне никак... — грустно ответил князь. — Но вам я могу доверить свою историю, если вы доверили мне свою. Полтора года назад я познакомился с одной русской девушкой, ей было шестнадцать, мне восемнадцать. Познакомились мы по переписке и долгое время общались с помощью переводчика, а однажды я решился ради нее выучить русский. Вы ведь понимаете, что девушка была из вашего города?

— Конечно, это было очевидно, — не удержался от улыбки губернатор, впрочем, князь не понял ее значения. А для Михаила Александровича этот разговор становился интересным. «Неужели согласие герцогини основано только на его прихоти? Тогда я невероятно везучий!» — подумал Божесов.

— И вот, я приехал сюда, чтобы поговорить с ней лично, один на один, она мне оказала достаточно *прохладный прием*... Так кажется по—русски?

— Холодный прием, думаю более уместен. Но русский

язык прекрасен тем, что можно составить любой набор слов и это окажется шедевром словесности. А если это будет слишком абсурдно, то можно сослаться на «тонкую метафору» или что—то в этом роде.

— Да—да, — не до конца поняв то, о чем говорит губернатор, ответил князь. — Так вот, с этой девушкой у нас произошла сцена на берегу, на выставке, мне она казалась очень обеспокоенной... Сцена была достаточно короткой, а потом... — тут князь осекся. — Потом произошел взрыв моей машины, и я побежал. С этих пор я ее не видел и не писал ей...

— Как печально, — проговорил губернатор лицемерно. — Рафаэль, мне нужно бежать. Спасибо вам, что выслушали меня, — дипломатично произнес он. — Я тоже попытаюсь для вас что—нибудь сделать... Приходите завтра в шесть в администрацию, поговорим все вместе о случившемся.

— Хорошо, Михаил.

Последним визитом Михаила Александровича в этот день, было посещение Марины Васильевны. Она предпочитала кабинет директора департамента образования кабинету и. о. директора лицея 308, поэтому губернатор направился на более почетное место работы своей подчиненной. К ней в кабинет ему удалось попасть гораздо легче, чем пробиться к герцогине, ибо в департаменте уважали в Михаиле Александровиче и человека, и бывшего (хоть бывших не бывает)

прокурора, и настоящего губернатора, и (мало ли кем он может стать) будущего господина Божесова.

— Добрый вечер, Марина Васильевна. Я сегодня ужасно забегался. Можно мне кофе?

— Конечно, Михаил Александрович, — совершенно не удивившись визиту губернатора ответила она.

— Я у вас хотел много чего спросить, но после очень полезного разговора с племянником герцогини у меня остался только один вопрос.

— И какой же? — с любопытством спросила Марина Васильевна.

— Убитая была выпускницей вашей школы?

— Да, — сдержанно ответила директор департамента. — Очень сложно смириться с тем, что утром я жала ей руку на вручении аттестатов, а уже вечером она...

— Что—то вы слишком эмоциональны. Ответьте мне на мой вопрос, а потом сможете выпить коньяк, подаренный вам благодарными родителями первоклассников.

— Но... — удивленно начала Марина Васильевна.

— Вопрос! — прервал Михаил Александрович. — Место проведения выпускного было согласованно с вами?

— Да, конечно. Мы договаривались с родителями, а потом мне позвонил кто-то из родительского комитета, не помню кто, и сказал, что было решено провести все в ресторане «Река». Там будет лучшее место.

— Спасибо огромное, вы мне помогли, — стандартно по-

благодарил губернатор. — Увидимся завтра в шесть, в приемной. Собираемся все. Буду ждать. Пока-пока.

— А как же кофе?

Но Михаил Александрович уже бежал из департамента образования в администрацию, изучить принесенные прокурором документы, чтобы окончательно разобраться в случившемся и сложить пазл. Марина Васильевна же, действительно сильно переживающая смерть одной из своих выпускниц, достала дорогой белорусский коньяк и, не думая, откуда о нем узнал Михаил Александрович, несвоевременно уничтожила улики...

Глава VIII

В приемной собрались все подозреваемые прокурором гости выставки. Михаил Александрович вошел в зал и сразу начал говорить:

— Друзья мои! Наконец—то после двух дней следствие зашло в тупик и не смогло найти виновника... Поэтому в дело был вынужден встрять я и, разумеется, благодаря своему бесценному опыту, таланту и помощи Екатерины Алексеевны, смог распутать этот клубок обмана.

— И как же? — ехидно спросил прокурор, понимающий, что ни одно следствие не может пройти за два дня.

— Вот зря вы напомнили о себе! — смотря в глаза прокурора, проговорил Михаил Александрович. — Господа, и да-

мы, конечно. Наш прокурор по результатам своего расследования решил, что стоит подозревать всех нас, здесь присутствующих. Вы возмущены, и я вполне разделяю ваше негодование.

Пронесся одобрительный шепот.

— ...Но я, пользуясь своим жизненным и профессиональным опытом, — продолжал Михаил Александрович, — Расследовал это дело сам. И перед оглашением моих результатов, попрошу вас всех вспомнить обстоятельства дела. Как бы это было не прискорбно. Совершенно три преступления, на первый взгляд не имеющих между собой ничего общего. Теракт на выставке, слава Богу обошедшийся без жертв; кража ожерелья, стоявшего огромных денег, и самое ужасное преступление — убийство школьницы, еще не созревшей личности... Кстати, вы, Рафаэль, прекрасно знали эту особу...

Михаил Александрович выдержал паузу, во время которой все молча закивали в знак согласия. Только Рафаэль будто бы покинул этот вечер, погрузившись в себя после слов губернатора.

— Я шучу! — громко прервал паузу губернатор. — На самом деле все гораздо прозаичнее.

Все переглянулись в недоумении.

— Даже вы меня не понимаете, — воскликнул Михаил Александрович. — Опять по бумажке!

Достав бумажку, он начал зачитывать текст:

— За эти дни следствие, путем сложных, логических, законных и стандартных действий, успешно зашло в тупик. Оно решило подозревать всех: присутствующих на открытии; находящихся вблизи выставки; живущих в этом городе; имеющих руки, чтобы взять ожерелье... Нет, это слишком скучно! — губернатор бросил бумажку. — Давайте серьезно. Следствие, как и я, склонны подозревать присутствующих в этой комнате, правда выводы следствия и мои выводы сильно разнятся. Но это не так важно. Главное, что у каждого здесь находящегося была возможность, и даже мотив совершить одно из трех преступлений. Но вот мне пришла в голову гениальная идея! Совместить все преступления в одно. Разумеется, самым интересным, с точки зрения преступника, является кража ожерелья. А всех нас мучает вопрос — «как?». Ответ прост. На момент совершения теракта, а тем более убийства (кстати, убийство было совершено раньше теракта, но это, сейчас, не имеет значения), ожерелья уже не было в витрине. Все было гениально спланировано и разыграно... Не буду вас томить и расскажу общую картину без привлечения каких—либо личностей. Хотя нет, скажу сразу: убитая выпускница и украла ожерелье.

Произошло замешательство во всей комнате: герцогиня оживленно обсуждала что—то с переводчицей, сотрудник МИД с племянником, Екатерина Алексеевна с прокурором, епископ с Мариной Васильевной, директор выставки с секретарем губернатора. Михаил Александрович, повисив го-

лос, продолжил:

— Но банальной кражей ее участие и закончилось, вполне трагично. Так вот, во время начала церемонии открытия все было готово: запасной выход был открыт, витрина не заперта, машина заминирована... Анастасия, так звали девушку, по предварительной договоренности проникла в павильон, совершенно спокойно взяла ожерелье и пошла по набережной. Там ей встретился князь Рафаэль, с которым, не буду вдаваться в подробности, но у нее был короткий интернет-роман. Князь, будучи вспыльчивым человеком, начал резко на чем—то настаивать, не буду раскрывать на чем, произошла сцена, все вело к безудержным эмоциям! А, возможно, к безудержной страсти, продиктованной ненавистью... Но... Раздался взрыв, князь бросился прочь от Анастасии (ох уж эти европейцы), а потом Анастасию нашли убитой и, разумеется, без ожерелья...

— Но кто же преступник? — спросил, переживая больше всех, секретарь.

— Даниил Николаевич, — обратился губернатор, — Должен перед вами извиниться, сначала я подозревал вас, но после все оказалось гораздо интересней...

— Да говорите же! — не вытерпел князь.

— Да, да! Кто преступник? — спросила переводчица, при этом все вопросительно посмотрели на Михаила Александровича.

— Мы все преступники, — произнес губернатор, ожидая произвести эффект.

— Давайте без вашей философии! — возмущенно и неожиданно для самой себя, выпалила Екатерина Алексеевна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.